

ИРИНА НЕЛЬСОН

ЛЮБЛЮ

Современная биография

Ирина Нельсон

Люблю

«Издательство АСТ»

2020

УДК 785:929(470)

ББК 85.318(2)6-8

Нельсон И.

Люблю / И. Нельсон — «Издательство АСТ»,
2020 — (Современная биография)

ISBN 978-5-17-133615-8

Меня зовут Ирина Нельсон. Многие меня знают как «ту самую из группы REFLEX», кто-то помнит меня как «певица Диана». Перед вами мой роман-автобиография. О том, как девочка из сибирской провинции, став звездой, не раз «взорвала» огромную страну своими хитами: «Сойти с ума» и «Нон-стоп», «Танцы» и «Люблю», придя к популярности и славе, побывала в самом престижном мировом музыкальном чарте, пожала руку президенту США и была награждена президентом России. Внешняя моя сторона всем вам известна – это успешная певица, побывавшая на пике славы. А внутренняя сторона до сих пор не была известна никому. И в этой книге вы как раз и узнаете обо всем. Я была обласкана миллионами и в то же время пережила ложь и предательство. И это моя история о том, как я выросла через ошибки и любовь, жестокость и равнодушие, зависть, бедность и собственные комплексы и вышла из всех этих ситуаций с помощью познания силы любви и благодарности. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 785:929(470)

ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-17-133615-8

© Нельсон И., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава первая. Снег	9
Глава вторая. Новый дом	13
Глава третья. Музыка...	16
Глава четвертая. Побег	21
Глава пятая. Изгнанная, или Любовь к жареной картошке	23
Глава шестая. Ведь ты же мужчина	28
Глава седьмая. Мне страшно, и я хочу домой	34
Глава восьмая. Народная любовь	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Нельсон

Люблю

© Текст. Ирина Нельсон, 2020

© Фото. Татьяна Пучкова, @ ivaphoto, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Огромная искренняя благодарность Сергею Сухову и Вячеславу
Тюрину, которые вдохновили меня на написание этой книги.*

Предисловие

Дорогие мои читатели.

Вся моя жизнь иногда мне кажется большим ярким сном, в котором для меня слилось все в одной сплошной яркой палитре. Конечно же, это REFLEX, это сцена, это моя йога и вегетарианство и мой проект Life108, это фантастически яркая и сочная Индия и строгая и неприветливая Америка, это мой муж, мой композитор, продюсер Вячеслав Тюрин, мои мама и папа и мое детство в провинции Сибири и философия этой жизни, опыт и знания, данные мне в ходе этого увлекательного путешествия, которое все еще продолжается. Я поделюсь этим всем с вами здесь. И это не автобиография поп-певицы.

Если уж совсем честно, если бы не книга, то я никогда не рассказала бы никому, ни одному СМИ, ни одному журналисту то, что вы здесь прочтете.

В ней я перескажу вам страницы своей жизни, стараясь на чем-то останавливаться достаточно подробно, чтобы в истории обо мне не осталось больше каких-то кривых зеркал и белых пятен.

Вся моя жизнь – в быстрой перемотке. Что-то пропущу, проскочу, ибо невозможно настолько полно все рассказать, что-то вспомню более подробно просто потому, что так сложится в ходе пересказа, а не потому, что это важнее чем-то.

То, что вы прочтете, – это не эмоции. Это просто моя жизнь. Ровно такая, как была. А жизнь – это не сахарный пряник. Никогда так не бывает: одному больше синяков и шишек, другому – пирогов и пышек. У всех всегда в жизни присутствует и то и другое. Просто в разных пропорциях. Life is life.

И не нужно потом будет искать какую-то информацию о моей жизни и обо мне где-то в прессе или в Wiki. Вот она – перед вами. Моя книга, в которой я все рассказываю сама.

Моя жизнь дана мне для того, чтобы, приобретя весь этот бесценный опыт, взглянуть на неё с высоты птичьего полета, чтобы ответить на вопрос, который, будучи маленькой девочкой, я задавала сама себе, смотря на звезды в небе, я спрашивала: «А кто же я!? Почему я родилась на этой земле? Для чего все это?» И я нашла ответы на все эти вопросы!

Маленькая девочка с гигантскими крыльями, я обнимаю ими всех без конца и края.

Мои крылья – это мой опыт. Опыт, накопленный в течение жизни.

И я просто рассказала вам о нем.

И всему, что вы узнаете из этой книги, всем и всему, что в моей жизни было, я благодарна. Честно. Всем и всему.

Без исключения!

Пролог

Черный город, черный асфальт, черные струи дождя...
Скорость – даже где-то на кончиках пальцев.

Кажется, что даже свет уличных фонарей и фар встречных машин – черный.
Я мчу вперед по практически пустынной трассе и стараюсь не смотреть в зеркало заднего вида.

Он мчит за мной. Он – за моей спиной. Он в двух метрах от моей машины.
Я выжимаю газ – **100!**

Он не отстает. Он гонится за мной, словно ничего не изменилось, словно моя машина сейчас еле-еле плетется. Он гонится за мной – неумолимо, упорно, словно привязанный невидимым стальным тросом – и это я тяну его за собой, сама, своими руками тяну за собой!

120!

Цифры на спидометре меняются мгновенно. Тот, кто за мной, следует по пятам. Его машина виляет на мокрой дороге, старательно объезжает лужи, словно он боится воды. И от этих виляний меня продувает по коже мороз: он успевает объезжать лужи. На самом деле он не торопится, совсем не торопится, эта скорость для него – ничто! Он играет со мной, как кошка с мышкой.

150!

Машину резко дергает вперед. Я попадаю передним колесом в выбоину на дороге – машину встряхивает, я клацаю зубами, а вода из лужи обдаёт стекло мутной пеленой.

Тот, кто преследует меня, отстает – но лишь на секунду. И вновь набирает скорость – плавно, будто огромная грозовая туча, гонимая ветром.

180!

Свет уличных фонарей превращается в сплошные белые линии. Встречные машины – лишь всполохи фар на мгновение. Мой преследователь – черное пятно в черном «додже». Я не вижу его лица, но я понимаю, я чувствую, я ощущаю его.

200!

Я вцепляюсь в руль так, что костяшки пальцев белеют. Я не могу вздохнуть – мне кажется, что я ощущаю, как ветер ударяется в лобовое стекло и сбивает мне дыхание.

Машина за мной не отстает. Она больше не объезжает лужи – она мчится за мной, как стрела, посланная из лука.

Я бросаю взгляд на сотовый телефон, который валяется на соседнем сиденье. Но кому я буду звонить? Что я скажу? И как я это сделаю? Тогда мне придется притормозить, на минуту сбросить скорость. Но, может быть, мой преследователь того и ждет? Ждет, когда я обращусь за помощью, и тогда сможет захватить меня врасплох?

220!

Как сакраментальные цифры на розетке, как слова из всем вам известной песни REFLEX'a, которые написал мой любимый, – и словно ток пронзает меня от головы до пят. Мне кажется, что я прохожу сквозь плотную ткань, занавесь, которая до этого скрывала меня от всего мира – или мир от меня. И эта ткань сейчас рвется, расползается – машина пронзает её, унося меня прочь от преследователя.

Где он? Я боюсь взглянуть в зеркало заднего вида. Или же... нет, я не боюсь этого делать, нет! Я не хочу, просто не хочу! Впереди меня – бесконечная дорога, надо мной – звездное небо и свет фонарей, в моих руках – руль... Мотор в машине – как огромное беспокойное сердце, и в такт его биению пульсирует и моя кровь, струится по венам, как бурные реки...

Где он? Я не вижу его – но я знаю, что он там. Он там – в темноте и черноте ночи. Ему нужна я, только я, нужна была все эти годы – а он просто ждал и выжидал. Ждал, когда я появлюсь на этой дороге – ночью, одна, не подозревая, что он сидит там, в темноте.

Где он?

Где?

Я снова выжимаю педаль газа...

Мокрый асфальт, потоки воды на лобовом стекле, слепящий свет фар – и огромная фура, неумолимо возникающая из дождя и ночи.

И скрежет металла, и осколки мечтаний и надежд – и я, падающая, падающая, падающая в воду, в воду без конца и края, без верха и низа, в воду, которой стало все вокруг, – и все стало этой водой...

Это началось, когда группа REFLEX была на самом пике своей популярности.

2006 год...

Именно тогда меня стали преследовать странные образы из прошлого.

Они копошились, мельтешили, толкались, буквально не давая мне покоя. Все это – то, что тогда творилось в моей голове, подчас странное и пугающее, – вы и можете увидеть в клипе «Я разбила небо».

Это было темным, обволакивающим, я проваливалась куда-то – как Алиса в сказке – и падала, падала, падала...

И для того чтобы просто разобраться в себе, я стала вести дневники.

Мне часто мерещилось, что я падаю в воду – мутную, холодную воду, которая не отпускает, не дает выплыть, не дает даже шанса на вдох. И из прошлого, из моего давнего детского прошлого пришло воспоминание о колодце. О зиме, холоде, тяжелых ведрах – и том, кто сидит в колодце.

Каждый случай из моей жизни, о котором я вспоминала, который появлялся на страницах дневника, неуловимой ниточкой оказывался связан с моим настоящим. И будущим. Все имело свою причину и свой смысл. Абсолютно все.

Чтобы снова прожить эту жизнь, чтобы понять всю ту мудрость, которую я почерпнула на своем пути, все те уроки, которым меня научила жизнь... Чтобы снова пережить все те моменты триумфа и победы, радости и счастья, а также неудачи и опасности, обо всем я хочу рассказать вам в этой книге.

Я благодарна всему, что было в моей жизни. Всем испытаниям. Всем тем людям, которые появлялись на моем пути, что бы они ни несли мне.

Я благодарна.

Глава первая. Снег

Снег, снег, снег! Сыпал и сыпал, как из бабушкиной подушки, засыпал весь двор, всю дорогу до школы, весь Барабинск и весь мир!

Мы с Верой наскоро оделись и выбежали на улицу.

Папа, папа должен был сегодня вернуться из поездки! И мы непременно должны первыми встретить его! Там, на вокзале, на нашем секретном месте, которое папа всегда высматривает из своей кабины!

Секретное место – у поворота, где локомотивы сбрасывают ход. Здесь пахнет дегтем и горячим железом. Мне очень нравится этот запах. Мне кажется, что он теплый и какой-то надежный. И зачем взрослым еще какие-то сладкие, липкие, лживые цветочные ароматы?

Барабинск, в котором мы жили, был типичным провинциальным городом. Стратегически важный железнодорожный узел Западной Сибири – вот основная цель его существования, да и причина того, что он считался, собственно, городом.

Папа работал машинистом товарного электровоза. Удивительно, кстати, но я сейчас вспоминаю и понимаю – ведь я так ни разу и не покаталась в кабине!

У меня и Веры – своя секретная сигнализация для папы. Украдкой помахать ему рукой. Три взмаха – все прекрасно, все просто чудесно. Два – мы скучали по тебе. Один – опять двойка, не сердись. Папа всегда машет в ответ три раза.

Но в этот раз папин поезд не прошел мимо секретного места. И через полчаса не прошел. И еще через полчаса. Он был в Новосибирске. До вечера.

Нам с Верой было обидно. Обидно до слез.

Возвращаться домой? Да, конечно, не бродить же весь день тут без обеда, по снегу и льду. Но не так скоро, не так скоро!

Вера водила рукой по засыпанному снегом перилам. А потом вдруг скатала хрупкий снежок и запустила им в меня. Это наглость! Я ответила ей сразу двумя! Снежки лопались, не долетая, осыпая нас белой невесомой пылью.

– Давай в поезда? – предложила Вера.

И мы побежали ниже, к оврагу, где поезда всегда замедляли ход!

Снежки летели, как маленькие гранаты. «Чпух!» – на металлических боках распускались белые снежные цветы.

Машинисты улыбались, приветственно помахивая руками. Некоторые из них знали нас, Иролку и Веру, знали о секрете наших трех махов – и говорили: «Да, да, у нас все отлично!»

Другие были незнакомцами – но тоже улыбались, глядя на засыпанных снегом девчонок.

Этот поезд вывернул очень тихо, плавно и даже как-то внезапно. Он был из новых – и свежая краска сверкала на ярком зимнем солнце.

Рядом с машинистом сидел мальчишка. Наш ровесник. Он был серьезен не по годам, пристально вглядываясь вдаль. Увидев двух девчонок, он поджал губы – и дал длинный, продолжительный гудок.

А потом не выдержал – и рассмеялся.

Мама меня звала Иролкой.

Никто не знал, откуда у неё такое инопланетянское имя появилось. Ирина, Ира, Иролка...

«Ой, – говорила мама. – Иролка у меня такая молчунья была, когда родилась. Могла в коляске лежать часами молча и не то что не плакать, а даже каких-то знаков не подавать. Подходишь и думаешь – живая, не живая? Я всегда её теряла. Выйду во двор, смотрю – её нет нигде. Зову-зову... „Ира, ты где?“ Пока не дозовешься, она не появится. Да и то – тихо-тихо, молчит и смотрит. Как кошка смотрит, мол, ну и чего звали-то?»

Сестренка Вера старше меня на два года. Мы невероятно разные – нас сложно и принять-то за сестер: так, подружки. Верочка – хорошенькая, как куколка, хоть бери и в кино снимай. Я же мало того, что на лицо совершенно обычная, так еще и длинный нос. С горбинкой!

Мама, смеясь, вспоминает, как папа получал меня из роддома. Как заглянул в кулек, озбоченно наморщил лоб, потом заглянул еще, долго смотрел и, наконец, разочарованно сказал: «Ну-у... Страшненькая-то какая... Ну что, покрасивее не могла родить, что ли? Длинноносая... А вот Верочка у нас...»

И так все детство: Верочка – «куколка», «пупсик», «ути-пути», а я – «ну-у-у». Но... Меня это не обижает. Совершенно, нисколько, ни капли не обижает. Да – Верочка куколка, а у меня нос. Но это мой нос!

Но не ищите у меня сейчас эту горбинку. Она исчезла много лет назад, когда один из танцоров, неловко повернувшись, разбил мне нос. Была боль, и много крови, и врачи, и операция по выправлению... Горбинка исчезла, ушла, покинула меня. Но все равно – это мой нос.

Несмотря на то что профессия «машинист электровоза» была престижной в провинциальном городке, денег всегда не хватало. Это нестрашно – в те годы так жили очень многие, как-то выживали, перебивались случайными заработками, питались со своего огорода. Мало кто жаловался – ну да, жизнь была такая.

Я же больше всего переживала, что не могу одеваться модно и красиво. А вы представляете, как это важно для девчонки? Это сейчас есть любые вещи – на любой вкус и кошелек. Если нет возможности купить бренды – вот вам подделки в десять раз дешевле. А тогда этого не было. Вещи делились на красивые и модные – и нет.

У нас в семье вся новая одежда доставалась сестренке Вере. А я... я арендовала у неё! То рейтузики в школу возьму, то олимпийку – похвастаться. Разумеется, это налагало и определенные обязательства: носить нужно было аккуратно, о том, чтобы поставить пятно или порвать и речи не было. Ну как так-то – если вещь чужая?

Я уже лет в пять задумалась: что можно? что нельзя? почему я живу на этой земле? почему меня родили? как так я появилась именно в этом месте? для чего? Это был не единственный раз – я задумывалась об этом постоянно, пытаюсь разобраться в себе и в окружающем мире. Видимо, именно так и проявился, и проснулся мой философский склад ума.

Черты характера, что были заложены в нас с детства, все то, что было в нас еще с рождения, следуют за нами на протяжении всей нашей жизни.

Сколько я себя помню, у меня всегда были какие-то тайнички, места, где я могла спрятаться, побыть наедине сама с собой. В детстве это был чердак, на котором лежали любимые книжки, сейчас – комната для медитации, для йоги... В которой тоже лежат книжки. Самые важные, самые нужные, самые дорогие для меня, которые я никому не даю, – ведь все мы прекрасно знаем, что девяносто пять процентов людей книги не возвращают!

Детство... детство... Я часто размышляла, жалуясь на свою детскую тяжкую, как мне казалось, жизнь, что наверняка есть другие лучшие миры, где девочек не заставляют ходить за водой или ухаживать за скотиной, и когда-нибудь я там обязательно окажусь. Увы, сейчас я понимаю, что лучший мир – счастливый и беззаботный – это и есть наше детство. И дорога туда для нас закрыта навсегда... Остаются лишь радости, надежды и страхи.

Страхи. Они идут с нами всю жизнь, иногда оживая и вырастая так, что проглатывают всю нашу Вселенную вместе с нами.

Тогда я еще не знала, что страх – это прежде всего природный инстинкт. Представьте себе, что было бы, если бы человек был лишен чувства страха: он мог бы без колебаний прыгнуть с 20-го этажа, например... В определенной степени страх является естественной и необходимой реакцией, он выполняет защитную функцию. Но, как говорил Джавахарлал Неру: «Все хорошо в меру». Тогда я еще не знала ни Неру, ни этой поговорки.

Я имею в виду разрушительный страх, говорю о том чувстве, которое ограничивает нашу свободу, страхе необоснованном и порой даже нагнетаемом самим человеком. Непомеренный страх опасен тем, что распространяется и усиливается, если не поставить ему заслон. Страх превращает человека в муравья, делает его глупым и слабым. И если человек не будет бороться со страхом, то настанет день, когда страх начнет определять его жизнь.

Мама, смеясь, вспоминает, как папа получал меня из роддома. Как заглянул в кулек, озабоченно наморщил лоб, потом заглянул еще, долго смотрел и, наконец, разочарованно сказал: «Ну-у... Страшненькая-то какая... Ну что, покрасивее не могла родить, что ли? Длинноносая... А вот Верочка у нас...» И так все детство: Верочка – «куколка»...

От страха страдают сейчас очень многие. Я готова поспорить, что у каждого из вас есть свой страх. У кого-то больше, у кого-то меньше, но он точно есть. И вы с ним боретесь. Постоянно. Даже не замечая этого.

2020. Многие из нас научились довольно ловко скрывать свои страхи, но, к сожалению, по статистике, большинство вынуждено все же прибегать к помощи психофармацевтических средств. Если бы я тогда все это понимала, то спросила бы себя: «А чего же ты боишься, Ира?»

Когда впервые проявился этот страх, была ли для этого определенная причина?

Ты считаешь себя трусихой?

Когда у тебя возникает чувство страха?

В каких ситуациях твой страх проявляется слабее или сильнее?

Как проявляется у тебя это чувство страха?

Что ты делаешь обычно, чтобы перебороть чувство страха?

Спросила бы вот так себя – и вуаля! Легко бы научилась сразу избавляться от этого чувства. Я не знала тогда, что не надо маскировать чувство страха, принимаясь за какие-либо дела, не надо пытаться подавить в себе это чувство. Надо было просто отнестись к страху как к факту и ответить на все эти вопросы самой себе еще до того, как возникнет страх, не позволить ему проявиться.

По сути, ничего этого не понимая, я смогла перебороть свой страх, просто уяснив для себя, что избавиться от него можно таким же образом, каким вы позволили ему овладеть собой. Возможно, вам неизвестен механизм действия страха, и вы просто пустили дело на самотек, позволяя разрушительным мыслям все больше и глубже укореняться в вашем подсознании.

Если вы не будете влиять на себя сами, то это сделают за вас другие. Если вы не позаботитесь о том, чтобы ваше подсознание наполнялось положительным содержанием, то в него бесконтрольно хлынут потоки всякой всячины. Ведь вы же не едите все подряд, а относитесь к пище избирательно. Почему же вы с меньшей тщательностью относитесь к выбору духовной пищи?

Когда в вашей памяти закрепляются конструктивные положительные мысли, программы негативного характера утрачивают свое значение, и чувство страха постепенно ослабевает. А потом и вовсе сходит на нет. Это точно. Но тогда... Тогда я этого не знала...

Помню, как я почти увидела того, кто сидит в колодеце. Мама сказала, что сегодня Иролкина очередь идти за водой. Я даже не спорила.

Колодец хоть недалеко от дома, но идти надо осторожно, семенить: тропинка обледелая. То-то смеяться будут соседи, если грохнешься с двумя ведрами! Развлечений тогда у людей было ну, прямо скажем, очень мало, и, когда идешь вдоль домиков и мимо их окон, ты – как бесплатный сериал в телевизоре. «Вон Ирка Терешина пошла опять за водой. Смотрите, скользко-то как, щас, поди, растележится!»

Коромысла нет – я видела его только в кино да в иллюстрациях в книжках. Ведро, даже пустые, тяжелые, неудобные, цепляются за ноги, грохочут – будто ругаются, что их куда-то понесли зимой. Идти недалеко – шагов двести всего. Я упорно тащу ведро и считаю шаги вслух. Десять... тридцать... Пятьдесят... Двести!

Ночью ударил мороз, и деревянная ручка ворота липнет к рукам, точно железная. Я морщусь, дую на пальцы, чтобы хоть как-то согреть их, и налегаю на ворот всем весом. Он замерзший, со скрипом проворачивается – и ведро летит вниз. «Тр-р-р!» – гремит цепь. «Бдлюх!» – ударяется ведро о воду.

Я боюсь смотреть в колодец. Он глубокий – крикнешь в него, и эхо долго-долго бродит, словно потеряв дорогу. А еще в нем тот. Ну тот, кто сидит в колодце. У него огромные пустые глаза. Пустые, как ведро. Он сидит и ждет. Может быть, даже меня.

И все-таки я как-то заглянула в колодец. Мне тогда показалось, что ведро как-то странно бдлюхнуло – громче, чем обычно. «Цепь оборвалась!» – подумалось мне, я бросилась к колодцу, перегнулась и посмотрела вниз.

Ведро плавало на боку, лениво погружаясь все глубже, натягивая целехонькую цепь. В воде отражались края колодца, небо, облака – и пятно моего лица.

А потом что-то шевельнулось там, в самом темном углу колодца. Там, где летом рос мох и недовольно жужжали черные мухи. Шевельнулось – и замерло.

Я прищурилась, пригляделась. А потом увидела его.

А он увидел меня.

Там, внизу, в черноте и в пустоте что-то мелькнуло – это вынырнул и снова занырнул тот, кто живет в колодце.

Я невольно тихонько вскрикнула. Руки разъехались на скользком камне. Ноги и так стояли на цыпочках – и я кувыркнулась вперед. На мое счастье, края были слишком высокие, поэтому я просто повисла на животе. Страшно.

А тот снова булькнул. И молчал.

Глава вторая. Новый дом

Одно из ярких воспоминаний детства – снос нашего первого дома.

Это был маленький деревянный домик – такой же, как и сотни других в Барабинске. Мы любили его, но в нем было мало места, а дерево местами рассохлось. Так что родители решили снести его – и перестроить заново. Мы собрали наши немудреные пожитки, птиц перевозили в клетках, а свиньи топали на своих четырех.

Мне в память врезался сам момент сноса. Ничего, вроде бы, особенного: приехал тягач, суровые работники, пахнущие куревом, погрузили домик на шпалы и стали перетягивать его на другое место. Как десятки раз делали до этого. Но в этот раз что-то пошло не так. Может быть, слишком резко дернул тягач, может быть, рабочие плохо закрепили, а может быть, просто пришло его время... Но наш дом разрушился.

Старый дом разрушен, временного еще нет – я увидела, что мама расстроена, и я сказала ей:

– Мам, да не расстраивайся ты! Новый дом будет в сто раз лучше!

И правда, новый дом оказался замечательным! На новом месте мы обжились, снова обзавелись хозяйством. Животные и птицы окружали меня постоянно.

У папы была своя голубятня на чердаке. С породистыми голубями, которых он холил, лелеял и пестовал.

И, разумеется, поэтому мне не разрешали заводить кошек. Я мечтала о кошке – но нет, нет, категорическое «нет». Папа был против наотрез. Потому что он знал: если кошка залезет в голубятню, то, может быть, она и съест лишь одного, но передошлит-то всех!

У нас недалеко от дома было поле. С котятками. Да, именно так. Люди приносили котят на помойку и просто выкидывали их. Да, они жалели малышей и не топили их, а как бы давали шанс выжить, но... Каков он был, этот шанс? Голодные замерзшие котята расползались по полю, по кучам, мяукали, плакали, просили есть... Я подбирала их. Приносила домой, вырывала им секретные землянки, таскала корм, привязывала на веревочку, чтобы не убежали и не попались папе на глаза. А потом пристраивала. Как могла. Как получилось.

Папа разрешал держать только собак.

Помню, как он принес нам с сестрой щеночка.

– Я хочу назвать его Мухтаром, – сказал он. – Мне нравится это имя. Когда я служил на флоте, у нас боцман был Мухтар.

– Ну какой же это Мухтар? – ответили мы с Верой.

А я добавила:

– Да это же просто Шарик какой-то на ножках.

– Нет, ну какой же Шарик! – возмутился папа. – Он же вырастет большим, это же несolidно.

И тут во мне проснулось упрямство:

– Нет, Шарик, Шарик, только Шарик!

Так и стал он Шариком.

Он и правда вырос огромным псом. Я любила играть с ним в цирк – раскрывала ему пасть и изображала бесстрашного укротителя, засовывавшего голову в пасть льву. Шарик не возражал.

Когда я была маленькой, я любила наблюдать за людьми. У меня была очень развита интуиция, и я то и дело задавалась вопросом, почему люди так часто поступают некрасиво. Почему они могут врать? Почему они так жестоки? Почему они творят зло – и совершенно не раскаиваются в этом?

И я начала противопоставлять людей и животных. И понимала, что мир животных – чище и справедливее. Да, они живут инстинктами. Да, хищники едят травоядных. Но при этом... при этом они не поступают подло. Они не могут больно ранить душу. Да, волк съел зайца – но такова его сущность. Он не может иначе. Это природа. Это их мир. Люди же могут иначе – но творят зло.

Помню, в школе в меня был безумно влюблен мальчик. Он ходил за мной, ухаживал, носил портфель, всячески старался мне понравиться, а я... Я не любила его. Более того, он вызывал у меня какое-то странное непонятное отторжение.

Чуть позже я узнала, что он мучит котят. Да, на том же самом поле, на той же самой помойке, откуда я приносила, спасала малышей, он собирает котят и... Он рассказывал о том, что делает, с невероятным наслаждением. О том, как отрывает им что-то, как выкалывает им глаза, как... Я была шокирована. В ступоре. В ужасе. Для меня это было невозможно, непонятно, непостижимо – как?! Зачем?

У нас было много живности: птица и свиньи. А они, увы, не живут вечно.

И тот день, когда наступал момент, что теленок, которого я выращивала, холила и лелеяла, должен быть забит – тот день был для меня самым тяжелым. Я убегала из дома – или, наоборот, забегала в самую дальнюю комнату, пряталась там в шкафу, затыкала себе подушками уши... Я не слышала ничего – ни рева, ни криков, ни звуков ударов – но я понимала, что происходит во дворе. И мне было безумно, безумно больно все это переносить.

Главным мастером по забою у нас был священник нашей местной, барабинской церкви. Мастер своего дела, без шуток. Его всегда приглашали – и он делал работу профессионально, без лишней жестокости, раз – и все... Никто не видел диссонанса между его саном и делом забойщика. Никто не удивлялся, не задавал вопросов – да и он сам, судя по всему, не видел ничего странного в этом.

А совсем недавно я узнала, что он – уже глубоко пожилой человек, живущий сейчас все там же, в городе моего детства, – перешел на вегетарианство. Сказал: «Богу необязательно, чтобы человек ел мясо». Богу – необязательно. А так ли обязательно нам, людям?

Была у нас еще и корова, которую звали Зорька. У неё было очень тугое вымя. А мы говорили – тугие такие сиськи у Зорьки! Я несколько раз пыталась её доить, но это мне не удавалось – даже мама едва-едва справлялась. И между собой мы говорили про неё, что она «тугосисяя». Хорошо, что она не понимала, а то бы обиделась, наверное. Или это комплимент?

Да, она была очень тугосисяя и очень гордая и независимая корова. Со своим характером, самодостаточная, и мы часто шутили, что именно характером она очень похожа на свою хозяйку, на мою маму.

Зорька очень любила убегать.

О-о-о, я прекрасно помню эту картину...

Лето, жара, трава на обочине дороги пожухла и скукожилась. Идет стадо. Коровы неспешно передвигают ногами, покачивают лобастыми головами, пережевывают жвачку. Пастух чуть подгоняет их кнутиком: скорее, чтобы просто показать, что он тут, он работает, он для чего-то нужен. Из-под копыт чуть клубится пыль...

Я убегала из дома – или, наоборот, забегала в самую дальнюю комнату, пряталась там в шкафу, затыкала себе подушками уши... Я не слышала ничего – ни рева, ни криков, ни звуков ударов – но я понимала, что происходит во дворе.

И тут – ш-ш-шух! – пыль взмывается вверх, как дым от пожарища, коровы удивленно мычат, пастух так и замирает, приоткрыв рот и сжав кнутик...

А это просто наша Зорька бросилась бегом от стада. Куда? Зачем? Почему? Никто не знает.

Ну и что тут делать теперь? Надо догонять? Кто пойдет? Вера или Ира? Ира или Вера? А?

О, как мы дрались с сестрой из-за этого! Ну кто захочет мотаться по полям и дорогам за коровой, которая опять усвистала непонятно куда? «Ты сегодня! Нет, ты сегодня! Нет, я в прошлый раз была! Врешь, это я была в прошлый раз!» Друг в друга летели булки хлеба, вырывались клочья волос... Красота.

Если я проигрывала, то садилась на велосипед и колесила, колесила, колесила – а почва болотистая, кругом трава, шишка, корни, гонять не получится, только осторожно – догоняла Зорьку, журила, приводила домой... И через несколько дней все начиналось снова!

Глава третья. Музыка...

Наша семья была очень музыкальной.

Я помню посиделки, на которые собиралась вся родня. Мои дяди – красивые, статные парни – играют на гитаре. Они знают все дворовые и популярные песни и передают гитару друг другу, не останавливая музыку ни на минуту. А я – маленький клопик – бегаю вокруг стола и слушаю, слушаю, слушаю эти песни, пытаюсь повторять их тоненьким голоском...

У меня в детстве были две крупные мечты: велосипед и пианино. Вы же понимаете, что в те годы это были реальные мечты – о вещах, которые не так-то просто было купить? И выбрать среди них какую-то одну я никак не могла. Велосипед... это велосипед! А пианино... для меня это было большим, чем просто музыкальный инструмент.

Мой дядя Володя играл на пианино. Ну как играл... просто, элементарно – но для меня, маленькой, это казалось чем-то невероятным. Вот так вот человек берет и извлекает звуки, которые складываются в мелодию, а та превращается в песню... Я немного завидовала дяде Володе, что он так умеет, да.

Кстати, все, абсолютно все мои дядьки, несмотря на то, что были разными по характеру, очень меня любили. Все время насыпали мне пригоршни мелочи в карман – я даже специально для неё завела копилочку. Слава сейчас смеется, мол, пока Вера играла с куклами, ты копила деньги.

Да, кукол я не понимала никогда. Я была очень боевая девчонка с мальчишеским характером, и вся эта возня с тряпочками – зачем, для чего, кому это интересно, что за ерунда? Вот с отцом ковыряться в мотоциклах – вот это да, это дело!

Мне очень нравилось играть в учительницу. И однажды я написала целую стопку сочинений – тридцать штук! От отличника, от двоечника, от троечника... И это было просто невероятное наслаждение – сесть и, подчеркивая красной пастой ошибки, оценивать эти сочинения.

Потом в куче мусора около школы я нашла учительский журнал, затем оправу от очков – и все, мой образ был полностью завершен. Я сидела за столом, строго смотрела на воображаемых учеников и поправляла очки точь-в-точь, как наша учительница, говорила: «А ты дома больше ничего не забыл?»

Еще я часто играла во врача. Брала кирпичи и терла, терла их часами: так я делала лекарство. И подавала их – как будто врач. «Ты чем болеешь? Сейчас я тебя здесь помажу. А вот это выпей».

Ах, если бы я тогда знала, что в будущем мои детские мечты сбудутся! Если бы я знала, что спустя столько лет, столько крутых поворотов, взлетов и падений моя жизнь приведет меня к тому, с чего все и начиналось, – с детских мечтаний!

А что же мои более «краткосрочные» желания? Благодаря родителям они осуществились... и даже практически в один день! В десять лет мне купили пианино – не ради развлечения, а пользы, ведь я уже училась в музыкальной школе. Купили в кредит, потому что нужной суммы на руках не было. Я была рада просто безумно! Моя мечта – одна из двух! – сбылась!

Через два дня у папы получка. Ну, получка и получка, очень хорошо, можно будет уже поднакопить на взнос по кредиту. Родители куда-то ушли – я же, ни о чем не подозревая, наслаждалась собственным – моим собственным! – пианино.

И вдруг вижу в окно: идут родители. И... катят велосипед.

Никакие слова не смогут описать то, что я в тот момент почувствовала. Это была благодарность. Понимание того, что родители сделали для меня. И того, как на самом деле сильно я их люблю.

Без них, без этого пианино «Ласточка», без наших посиделок и песен не было бы меня, REFLEX'a – так, серая и скучная пустота.

У моей мамы был потрясающе красивый голос. Великолепное, глубокое сопрано – идеально поставленное, но не учителями, а изначально, от природы. Настоящая редкость – тем более в маленьком-то Барабинске!

Когда мама начинала петь, все кругом замирали. Она была душой компаний – но не пьяных и буйных, где поют и играют не в тон и не в лад, когда главное – кричать погромче – и этот крик у нас песней зовется – нет! Мама пела очень нежно, мягко – мурашки бежали по коже, и даже посторонние люди тянулись к ней, подходили послушать, заглядывали во двор, присаживались поближе...

Она любила романсы, например, «Соловей», обожала украинские народные песни, ведь у неё были украинские корни. Её голос так и летел над дворами, как весенний ветер – чистый, свежий. И хотелось слушать и слушать, слушать и слушать, бесконечно...

Мама была очень красивая. Очень легкая, мягкая, с невероятным женским обаянием. В те годы в нашем городе, когда не было еще салонов красоты, тонн косметики и моды на пластику и коррекцию, мама с её настоящей природной красотой была как жемчужина среди стеклянных шариков.

Через несколько лет после её смерти я узнала от сестры, что маму пытались обольстить очень многие мужчины... даже из близкого, очень близкого круга, люди, на которых я бы сроду не подумала!

Но мама была настоящей женщиной, верной своим правилам и принципам. У тех мужчин не было ни единого шанса. Вообще. Никогда. Мама была внутренне бесконечно самодостаточной, твердой в мыслях и поступках – и я думаю, что эти черты передались мне. Без этих маминых черт, без её уроков, без её примера... стала бы я такой, как сейчас? Достигла бы я того, что достигла сейчас?

Например, лидерство. Переняла ли я это от мамы или все же это моя черта, собственная? Я всегда стремилась быть первой. Такой уж у меня характер. Не зазнайкой, не гордячкой, нет! Просто – лидером.

Особенно ярко это проявилось, когда я стала заниматься музыкой.

Помню, как в школе в старших классах я собрала небольшой бэнд. Не просто тусовка «собратся-попеть», ни в коем случае! Все было предельно серьезно, по-взрослому. Три девочки – и я за пианино. Нам очень хотелось быть настоящим бэндом – ярким, стильным, каким-то единым. И я сшила всем одинаковые кофточки.

Мы выступили на школьном концерте – и номер был по-настоящему крутым! Мы исполняли песни АВБА – и музыка, тексты, неувовимо одинаковые и в то же время такие разные девчонки на сцене... Да, это был фурор! Вся школа стояла буквально на ушах.

Но...

Да, это все, конечно, хорошо. Приятные воспоминания. Победы. Удачи. Ощущение, что у тебя получается то, что ты хочешь.

Но...

Я не думаю, что девчонки мне завидовали. Но, тем не менее, позже я порассуждаю на эту тему. Одноклассники, они ведь по-детски не задавались вопросом, какой ценой мне достаются мои маленькие победы. Они видели лишь факт. И им это казалось несправедливым. Почему? Я поняла лишь намного позже.

Родители купили мне пианино, чтобы я занималась. Соседские девчонки демонстративно подкалывали меня, что пианино не такое уж и хорошее, да и вообще...

Я не обижалась, а лишь вместе с ними посмеивалась, поддакивая девчонкам и говорила, что – да, баян точно было бы гораздо лучше)).

Постепенно я начала участвовать в разных местных детских музыкальных конкурсах и занимать в них первые места... Причем не просто первые – а только первые. Вторые иногда даже и не присуждали больше никому. Даже неловко сейчас говорить об этом. Но это правда. Тогда так было. Я была маленькой девочкой совсем. Что я могла тогда подумать? Я просто ощущала радость за свой труд, за свою работу, чувствовала компенсацию за мое отсутствие на улице в игре в снежки или катании с горки на пятой точке. Тогда это было удовольствие сродни PlayStation сейчас.

У моей мамы был потрясающе красивый голос. Великолепное, глубокое сопрано – идеально поставленное, но не учителями, а изначально, от природы. Настоящая редкость – тем более в маленьком-то Барабинске! Когда мама начинала петь, все кругом замирали.

Я не гордилась, не зазнавалась, ни в коем случае не считала себя лучше других: ну да, вот так получилось, у меня первое, а второго больше нет ни у кого, но так решило жюри – в чем моя вина?

Но ребята не понимали этого. Даже те, кто вообще никак не касался этих конкурсов, кто не занимался музыкой и лишь краем уха слышал, что, мол, Тереха опять там что-то выиграла – и... игнорировали меня, стараясь меня не замечать. Помню, после различных небольших конкурсов я выиграла уже достаточно серьезный региональный. Про меня написали в барабинской газете – взрослая такая, очень хорошая и приятная статья. Мол, Ира Терешина победила, у неё первое место, второе снова не дали никому, наша звезда... Без пафоса, без превознесения, без «любите её все!» – ну такое... Добрая и милая статья. Так, по крайней мере, мне тогда казалось. Но у сверстников и одноклассников мнение было другим.

Прихожу в школу с предвкушением того, что вот сейчас меня поздравят всем классом, отметят, похвалят. Несу с собой бережно сохраненную вырезку со статьей, захожу в класс...

...И тишина. «Только мертвые с косами стоят...» Хотя это и не оттуда цитата, но точно помню. Звонящая тишина. Если бы сейчас эту сцену снимали в кино, то точно подложили бы звук жужжащей мухи в тишине класса.

Но сейчас меня это не удивляет. Ведь мы – дети родителей, которые выросли в Советском Союзе, в стране, в которой царствовала унификация и не приветствовалось выражение собственной индивидуальности и проявление чувств и позитивных эмоций. Так же и успех личностный вообще не пропагандировался в СССР. Только то, что на благо Родины. Уголь добывать, дрова рубить, сталь плавить. Развиваясь в этом. Но не внутри себя. В закрома Родины – а личностный и духовный тем более рост – не предусматривался. Коммунизм не знал такого параметра в «человеке советском». Ибо мог произойти крен в другую сторону от постулата «От каждого по способностям, каждому по труду». Ибо, развивая в себе какие-либо способности, ты мог оторваться слишком далеко и начать получать уже не по своим способностям, а по тем, которые ты развил в себе. А это уже головная боль для власти, ибо с низкими способностями было все-таки большинство, а если людей, развивших в себе большие способности, в общей массе станет слишком много, то им же по этим большим способностям и платить придется... Ведь «от каждого по способностям». Улавливаете логику?

Потом я окончила музыкальную школу экстерном. И за все это я могу поблагодарить свою первую учительницу музыки Ларису Николаевну Леденеву. Она была настолько тонкой и изящной, что иногда мне казалось, что она человек откуда-то из другой эпохи или мира. Это время было непростое в Советском Союзе. Все в основном жили ниже среднего и по достатку, и по уровню культурного развития. Барабинск. Глубокая провинция крупнейшего промышленного города в центре России... Но все равно так же глубоко провинциального тогда еще по

духу и мышлению Новосибирска. А я вроде как уже делала первые шаги в мир богемы. Уже тогда во время моих выступлений мне на сцене светили софиты, освещая мои первые выступления. Видимо, уже тогда, будучи маленькой, я понимала, что никто за нас самих не сделает из нас человека из нашей внутренней обезьяны, если она вконец там внутри нас распоясалась.

Ведь я с самого детства представляла себя на большой сцене. Это было мечтой. А реализовать мечту есть лишь два варианта: или опустить руки, отказаться от мечты, от будущего, от себя, в конце концов, лишь бы все вокруг тебя было гладко, или идти вперед и с улыбкой сносить любые сложности на пути. Каждый выбирает для себя. Каждый потом отвечает за этот выбор.

Я тогда решила, что если никто мой выбор не разделяет, то я буду жить сама со своими потерями и радостями. Но как же я хотела бы снова вернуться к своим девчонкам, обнять их всех и сказать: «Вы были самые классные подруги!»

Забегая вперед, расскажу, что уже будучи взрослой, популярной артисткой, я, конечно же, не раз столкнулась с завистью. И я начала искать её природу. Я думала о том, почему людям трудно радоваться чужим успехам. Со временем я поняла, что даже когда большинство людей радуется, они лишь изображают радость. В их глазах проглядывается печаль непонимания. Почему то, чему они должны радоваться из вежливости за кого-то, произошло не с ними... Ведь когда человек завидует, он считает, что именно он – тот, кто должен обладать вожаделенным! Именно он, а не кто-то другой. Именно он – избранный и достойный.

И вот много лет спустя мне встретила книга, которая в полной мере ответила мне на все эти вопросы! Эта книга – «Каббала зависти» – настоящий бриллиант, сокровище иудейской культуры. В ней содержится бесценная информация! Она – блестящий анализ всей диалектики испорченной грехом человеческой природы. Опыт мудрецов. То, на чем мы можем и должны учиться. Прочтя эту книгу, я убедилась в том, что лучшие умы человечества уже давно интересуют природа зависти. Первое, о чем говорит нам эта книга, – это то, что зависть – это эмоция всепоглощающая. Завистник обычно страдает очень глубоко. Даже черты его лица искажаются. Он становится нервным и озлобленным. Ощущение зависти может быть настолько сильным, что завистник даже может желать смерти объекту своей зависти. Сказано в этой книге и то, что зависть – это чувство гнева, возникающего оттого, что другой владеет и наслаждается чем-то для тебя страстно желанным, но пока все еще недоступным... Теперь я точно понимаю, что не зря в древних иудейских писаниях сказано, что «лучше умереть, чем испытать зависть».

Родственник зависти – ревность, пишут мудрецы. И правда, ведь почти всегда ревность связана с любовью, которую ревнивец считает своей прерогативой, несправедливо, по его мнению, присвоенной кем-то другим. Когда мы ревнуем, мы ведь просто мечтаем стать тем объектом любви или наслаждения, который так радует того человека, к которому мы ревнуем. Ревность – это желание получить что-либо только для самого себя... Совершенно при этом не задумываясь о другой стороне.

То есть фактически это просто желание обладать. Поэтому и зависть, и ревность вызывают страшные разрушения.

Лично я сама заметила, что у завистника, как правило, складывается какое-то свое, одному ему понятное устройство мира и окружающей его среды. Такие люди, заикливаясь на чужих достижениях, просто сгорают сами в огне постоянной борьбы со своими эмоциями. Очень часто такое наблюдается в артистической среде, искусстве или шоу-бизнесе. Творческие люди зачастую забывают о том, что они что-то могут сделать сами, могут идти своим путем, независимо от источника их зависти. Просто слушая себя, свое сердце. Их уверенность и любое

творческое начало попросту умирают в борьбе с завистью. Зависть побеждает и затмевает их разум. Волей-неволей они начинают скрупулезно анализировать объект своей зависти, повторяя все то, что сделал он, подражая ему во всем и рассчитывая на то, что если они все сделают точно так же, то их точно ждет успех. Это звучит банально, но, к сожалению, это именно так.

Но все эти осознания, как вы уже поняли, случились со мной гораздо позже. А тогда, в школе, я просто продолжила жить.

Детский мозг довольно скоро забыл все обиды, и я снова каждый день ходила в школу по заросшей летней тропинке или катилась по ней же по зимним накатанным ледянкам, иногда шваркнувшись на задницу и наблюдая стоящий столбом дым из топящихся печек в домиках Барабинска – я вдыхала его мягкий, терпкий и до боли любимый аромат. Жизнь продолжалась.

Глава четвертая. Побег

Я не могу сказать, что я не любила Барабинск. Это мой дом, моя родина, мои родные и близкие... Но мне было тесно в нем. Я хотела быть выше, дальше – и стать сильнее, стать лучше, получить то, чего мне так не доставало, чтобы стать самой собой.

Я оканчивала девятый класс. Самое время, чтобы определяться с будущим, решать, где продолжить учебу. В Барабинске было не так уж и много вариантов – и ни один мне не нравился. Да я особо и не задумывалась точнее. Мечты мои тогда были довольно расплывчатыми и по-детски неопределенными. Только космонавтом никогда не хотела быть, наверное. Все детство я частенько играла во врача... Бабушка говорила мне идти в торговый институт или на бухгалтерю. Какое-то время я держала это в уме.

Родные пытались мне помочь. Собирались семейные советы, на которых выдвигались любые, самые безумные предложения: врач? учитель? торговый работник? Не то, не то, все не то...

Я же прекрасно знала, что я всегда буду с музыкой – не хотела, не мечтала, а именно знала.

Я не мечтала стать именно звездой! Это нужно понимать. Быть в музыке. Внутри неё. Жить этим. Тогда мне хотелось именно так. А стать именно звездой? Да я даже и подумать об этом не могла. Не в смысле, что я боялась так думать, а просто я даже файла такого не знала. Звезда...

Знала, что буду петь, что буду выступать, что буду жить в ритме музыки и слов, обволакивающих, захватывающих меня, кружащих, как в огромном хороводе чувств, эмоций, образов...

Я знала это с самого детства, когда я еще малявкой, сидя на коленях у бабушки, пела хором со своими дядьками родные украинские песни, а все вокруг весело хохотали и поддерживали.

Ах, как мне нравилось петь! Я вкладывала всю себя, тогда еще пока детским голоском выводила сложные рулады, следя, чтобы хватило дыхания. Я пела – и четко знала: это мое будущее. Я буду певицей.

Тогда я мыслила наивно, как мыслит девчонка, еще даже не пошедшая в школу: я ничего не знала не то что о шоу-бизнесе, но даже о том, что пению учат, что есть множество методик, множество жанров, что это целая наука, которую нужно осваивать всю жизнь... Тогда мне казалось, что ничего в жизни мне больше не могло приносить удовольствие.

Дорогие мои! Всегда, всегда в жизни делайте только то, что приносит вам удовольствие! То, при занятии чем ваша душа поет, а руки дрожат от томительного предвкушения продолжения. То, чего вы ждете, и то, от чего потом не можете оторваться. Для меня это стала музыка – и я стала ею заниматься, даже и не думая превратить её в хобби по выходным. Нет! Со временем, взрослея, я не могла представить себя на другом месте, в другой профессии, с другим делом – за столом, прилавком, в белом халате, с указкой... Музыка! Только и только музыка! Она звала меня – и вела по жизни.

Прислушайтесь к себе, всмотритесь в себя – что важно вам? Что нужно вам? От чего по вашему телу пробегают мурашки? Не слушайте никого: «Ах, глупость, детские забавы, в жизни надо заниматься серьезным делом!» Если это нравится вам, если вы не можете без этого прожить и дня – это не глупость и детская забава, это серьезное дело.

Ваше дело.

И оно ждет вас.

Выход был только один – прочь из провинциального Барабинска и... нет, не «в Москву, Москву!», как призывали чеховские три сестры, а для начала в Новосибирск.

Новосибирск был лучшим вариантом по многим причинам: во-первых, очень хорошее, известное в Сибири музыкальное училище, а во-вторых, не так уж и далеко от дома. Как бы я ни рвалась из Барабинска, я понимала, что вскоре мне будет не хватать родных и близких...

Родители очень переживали за меня. Они почти смирились с тем, что я уже не тут, в Барабинске, а где-то там, в далеком Новосибирске. Они почти смирились. Почти.

Мама все-таки не выдержала. Она настолько не хотела, чтобы я уезжала, настолько жаждала, чтобы я задержалась дома еще хотя бы на пару дней, что... Выключила будильник.

Она понимала, что я еду в Новосибирск буквально впритык и сразу попадаю с корабля на бал, то есть с поезда на экзамен. Что если я просплю сейчас – то все, опоздаю не только на вокзал, но и на экзамен. И никто не будет слушать моих отговорок и просто укажет на дверь: приходите в следующем году.

Она все это понимала – но не могла поступить иначе.

...Я проснулась словно от толчка. Словно кто-то в ночи пихнул меня рукой (или то была лапа?): «Вставай, Ира, вставай!»

Я сонно моргала, вглядываясь в предрассветную муть за окном. Серело небо, серели деревья, серели даже дома напротив – все было серым, подернутым легкой дымкой. Я не могла понять, который час, – ведь если будильник еще не звонил, то это должна быть ночь, не так ли?

Мама все-таки не выдержала. Она настолько не хотела, чтобы я уезжала, настолько жаждала, чтобы я задержалась дома еще хотя бы на пару дней, что... Выключила будильник.

Я нащупала на столике будильник – с трудом, он почему-то стоял не там, где я привыкла, – включила свет и, сощурившись, попыталась разобрать время.

Полчаса до отхода поезда!

На мое счастье, я еще с вечера собрала все вещи и поставила сумку недалеко от кровати. Я даже не успела умыться или почистить зубы – не то что позавтракать, – просто схватила сумку и опрометью бросилась на вокзал!

Я вскочила буквально на подножку уходящего поезда, вцепившись в металлические поручни. Забросила сумку вглубь вагона и еще долго-долго стояла, вглядываясь в убегающие назад рельсы, в растворяющийся в предрассветных сумерках родной городок...

Я знала, что больше не вернусь сюда. Такой, как сейчас, точно уже не вернусь. Я буду другой. Повзрослевшей. Набравшейся опыта. Счастливой или, наоборот, несчастной.

Но уже не той девочкой, что была.

Та девочка осталась в Барабинске. Растворилась в предрассветных сумерках...

Именно так закончились мои детство и юность в родном доме и начались скитания по чужим городам.

Мы совершаем побег по лестнице в небо,
По лестнице в небо!
Мы совершаем побег против ветра,
Против ветра!

© «Побег» (REFLEX)

Глава пятая. Изгнанная, или Любовь к жареной картошке

В Новосибирске мне сопутствовала удача – я блестяще отыграла свою программу из классических произведений Шумана, Баха, Листа и Гайдна и сразу же поступила в заветное музыкальное училище. Первые минуты, даже часы я буквально летала на крыльях: вот она, сбывшаяся мечта, вот они, дороги, которые лежат передо мной! Вот он, такой большой и уже такой добрый ко мне город – с его просторными проспектами, высокими зданиями, с тенистыми аллеями и далеким таким загадочным Академгородком! И все это – мое! И все это принадлежит только мне! И моя жизнь – в моих руках, я могу делать – и сделать – все, что только захочу!

И я добила всего этого не только потому, что не согласилась на предложения родных пойти на другую профессию – «где можно хоть денег заработать». Да даже потому, что в тех серых предрассветных сумерках в Барабинске не разрыдалась над заблокированным будильником, не опустила руки, а сгребла вещи и себя в охапку – и метнулась бегом за дверь!

Я шла по проспекту, пританцовывая и напевая себе под нос, я хотела обнять всех встречных, хотела рассказать им, как прекрасна жизнь, как важно мечтать и что это за счастье, когда ты касаешься своей мечты! Касаешься пока хотя бы краешка её крыла!

Но...

Радость длилась недолго.

Серая туча осознания реальности напозла на солнышко, которое трепетало в моей груди.

Да, моя жизнь в моих руках, но... Но где мне жить?

Где мне жить?

Такой большой город – но есть ли в нем место для меня?

У меня не было в Новосибирске ни родственников, ни хотя бы шапочных знакомых – никого, у кого я могла бы найти угол.

Я так отчаянно рвалась сюда, к своей мечте, что даже не подумала о такой банальной вещи, как где жить.

И эту проблему нужно было решать очень быстро.

И я начала... ходить по квартирам.

Да, я ходила по квартирам, стучала в каждую дверь и наивно спрашивала: «Я студентка, не возьмете ли вы меня пожить?», «Здравствуйте, простите, я поступила в училище, мне негде жить», «Добрый день, подскажите, вы не сдаёте комнату?» Мне не нужна была квартира – какая квартира на жалкую стипендию? Комнатка, просто комнатка – даже маленькая, даже и не комнатка, а просто уголок, где можно оставить свои вещи и куда я бы просто приходила поспать. Лишь поспать – мне больше ничего не было нужно.

– Здравствуйте, извините за беспокойство, я студентка. Нельзя ли у вас пожить?

А в ответ – тишина. Или странные взгляды: что за девочка с такими дурацкими вопросами? Или усмешки: с ума, что ли, сошла, пускать домой непонятно кого? Или пожимание плечами – да нет, нельзя. Или просто закрытая перед носом дверь...

Я обошла так где-то квартир двадцать пять. В большинстве со мной даже не стали разговаривать. В нескольких мягко объяснили, что мои поиски ни к чему не приведут. Но я не сдавалась. Я не хотела сдаваться, я не могла сдаться – ведь вот же, моя мечта, я трогаю её за крыло, как я могу потерять её из-за того, что мне негде жить?

Мне хотелось плакать, я уже перебирала в голове варианты пожить на вокзале или повесить объявление в училище – что угодно, как угодно, лишь бы найти угол!

Это была старая кирпичная сталинская пятиэтажка. Из тех, где даже нет мусоропровода, и все ходят к мусорным бакам, в которых роятся жадные голуби. Подъезд был выкрашен голубовато-зеленой краской, а на бетонной проплешине – там, где краска облупилась, – шариковой ручкой было наcariaбано «Оля дура». Я немного даже позавидовала Оле – пусть дура, но живет в своей квартире в Новосибирске.

Я нажала на кнопку звонка. Где-то в глубине квартиры раздалась хрипая трель. О, сколько я таких трелей наслушалась за то время, пока обходила дома! Где-то чирикала птичка, где-то орало что-то, больше похожее на пожарную сирену, где-то верещало, булькало, цокало...

Здесь звонок пронзительно забрякал – точь-в-точь, как брякал звонок на моем велосипеде в Барабинске. Мне даже на секунду показалось, что я провалилась на несколько дней назад, в свой родной дом, и что мне все это на самом деле снится.

За дверью прошаркали шаги, повернулся замок – и дверь приоткрылась. Ровно настолько, насколько позволяла накинута цепочка.

Из щелки выглянул любопытный глаз.

Я глубоко вздохнула и начала заученную за этот день фразу:

– Здравствуйте, я студентка, поступила в музыкальное училище. Мне негде жить...

Тут мой голос предательски прервался, и я готова была уже развернуться и уйти – да все уже понятно, зачем что-то еще говорить? – но я собралась и продолжила:

– ...Мне негде жить. Можно ли поселиться у вас?

Дверь закрылась.

Я вздохнула.

Ну что ж...

Послышался скрежет снимаемой цепочки.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла старушка. Она, прищурившись, внимательно осмотрела меня с ног до головы, пожевала губами, откашлялась и медленно произнесла:

– Ну-у-у, девочка...

Я снова вздохнула. Все понятно. Сейчас, как и много раз до этого: «Взять я тебя не могу, да и вряд ли кто возьмет, я тебя не знаю, вдруг ты квартиру обнесешь».

– Знаешь, – продолжила бабушка, – а вот чем-то ты мне понравилась. Возьму-ка я тебя. А потом посмотрим, как будешь себя вести.

Это была однокомнатная пятнадцатиметровая квартирka – чистенькая, аккуратненькая, немного даже какая-то запустелая. В ней мне любезно выделили даже не уголок, а диванчик. Старый, продавленный, из него то и дело лез ворс и немного пахло опилками, а пружины иногда в ночи истерично взвизгивали – но какой уж есть. На тот момент я была на вершине счастья – и этот диванчик казался мне спасательным плотом, на котором меня несет по океану жизни к берегу моей мечты.

Сама хозяйка спала на кровати – классической кровати, как на картинках в книжках: аккуратно заправленной, с горкой разномерных подушек. Всегда чистой, всегда пахнувшей накрахмаленным бельем и пудрой.

Ах, как мне хотелось хоть раз прилечь на этой кровати! Но это оставалось лишь безумной идеей, которую я не собиралась претворять в жизнь. Да и не смогла бы.

Я поступила в училище по классу фортепиано, а это означало необходимость постоянных, ежедневных занятий с инструментом. Но пианино! Дорогущее и громоздкое пианино – разумеется, его не было в однокомнатной хозяйской квартирке.

Но это было лишь трудностью, а не трагедией. Училище предполагало, что у многих ребят будут такие же проблемы, как и у меня, и поэтому в нем была общая аудитория с инструментом как раз для таких занятий. Но аудитория одна – а таких, как я, много. И заниматься надо в одиночестве, а не когда тебе дышат в спину и сверлят голодными до пианино глазами.

Подъезд был выкрашен голубовато-зеленой краской, а на бетонной проплешине – там, где краска облупилась, – шариковой ручкой было накарябано «Оля дура». Я немного даже позавидовала Оле – пусть дура, но живет в своей квартире в Новосибирске.

Ничего, не страшно! Я – девочка из провинциального Барабинска – смогла поступить в это училище, пройдя большой конкурс, я смогла найти квартиру в этом огромном городе – так неужели я не смогу решить вопрос, как и когда заниматься?

И я решила его.

Мне приходилось вставать в пять утра.

Быстро-быстро и тихо – чтобы ни в коем случае не разбудить хозяйку! – завтракать на маленькой кухоньке. Закипая, огромный чайник дребезжал, словно ракета на взлете, поэтому приходилось буквально дежурить над ним и при первом же «бр-р-р» сдергивать с плиты. Чайник был тяжелым даже со стаканом воды в нем, ручка нагревалась мгновенно, поэтому приходилось обматывать её полотенцем.

В шесть часов я уже была за инструментом.

А в восемь – на нем.

В первый раз, когда я внезапно куда-то провалилась, а потом проснулась на пианино, лицом вниз, мне стало безумно стыдно. Я потирала лоб, на котором отпечатались клавиши, и корила себя: ну как же так, как можно быть такой ленивой и слабой, ты же мечтала об этом, почему же ты посреди занятия взяла и заснула?

Во второй раз я уже лишь зевнула, потирая лоб и прикидывая, как быстро сойдут отпечатки и не будут ли смеяться встречные прохожие, если я выйду на улицу прямо так.

Вскоре эти обрывочные, словно украденные, куски сна вошли у меня в привычку. В такую рань аудитория никому не требовалась, так что я могла подремать минут двадцать-тридцать – даже не вставая, сидя, положив голову на клавиши.

Прохожие не смеялись – лишь искоса и удивленно поглядывали. Но мне это было неважно – я торопилась домой. Я мечтала лишь об одном: еще немного поспать. Как угодно, где угодно, хотя бы просто подремать!

Как угодно и где угодно... Ну что ж, желания имеют свойство сбываться.

Бабушка-хозяйка была домоседкой. Во всяком случае, я не помню, чтобы при мне она куда-то надолго отлучалась.

К моему приходу её кровать была все так же аккуратно заправлена, а подушечки так же ровненько сложены в горочку – словно экспонат в музее советского быта, не хватало только таблички «Руками не трогать».

Сама же хозяйка уже посиживала на моем диванчике, почитывая газетку или смотря телевизор. Если я садилась рядом, она бросала на меня несколько недовольный взгляд: мол, чего тут расселась, неужели дел никаких нет, не мешай мне тут. Вслух она этого не говорила, конечно, но я ощущала её недовольство. И, конечно, попросить её подвинуться или пересесть – мол, я бы хотела прилечь и поспать или хотя бы вытянуть ноги – я и подумать не могла. Мое

место в этом доме было четко определено – скажи спасибо, что вообще тут живешь. Ты должна быть благодарна за это – и быть тише воды, ниже травы.

Ты должна быть благодарна. Ты должна быть благодарна за это. Поэтому молчи и радуйся тому, что имеешь...

Сколько раз мне потом – когда, казалось бы, я уже стала известной певицей! – говорили это. Говорили в лицо или не менее выразительно молчали за спиной. Ты должна быть благодарна – и не жужжи. Не жужжи. Не жужжи...

Тогда я была одинокой девочкой в большом городе. Я действительно была благодарна – и просто не знала, как отстаивать свои права, чтобы при этом не превратиться в склочницу, да и что греха таить – чтобы просто не вылететь на улицу.

Я уже научилась спать на фортепиано – а это высший пилотаж в умении засыпать где угодно и как угодно. Мой диванчик был вне зоны доступа, бабушкина кровать – неприкасаемый экспонат, так что я садилась за стол, осторожно расчищала краешек от вещей – и клала голову на столешницу. Сон приходил моментально, словно обнимая теплыми мохнатыми лапами. Куда-то далеко-далеко, за край сознания отходили и громкий телевизор, и недовольно бормочущая хозяйка, и жесткое дерево столешницы, и боль в затекающей шее... Да, потом приходилось махать руками, разминать спину, а лоб практически ничего не чувствовал – но я хотя бы высыпалась. Я могла думать, мыслить, соображать. Я могла жить. Это был кайф.

Хозяйку мои мучения совершенно не трогали. Более того, вскоре после того, как я засыпала, она начинала ходить по квартире, греметь посудой, задавать какие-то вопросы: и возмущаться, почему я не даю на них ответа.

Я терпела. Я продолжала терпеть, потому что на кону была моя мечта – музыка. Я не могла позволить себе снова начать поиски квартиры, потому что когда-то я буду заниматься? Каждый пропущенный день, каждый невыученный урок отдалял бы меня от моей мечты. Я не могла себе этого позволить. Я касалась её крыльев – как я могу сейчас отпустить их?

И я молчала и терпела, и делала вид, что все в порядке.

Но через полтора месяца все закончилось.

Картошка. Обычная картошка внесла основательные коррективы в ход событий моей студенческой жизни.

Как обычный бедный студент, я часто её ела: варила, жарила, иногда даже запекала. Дешево, сытно и всегда вкусно. Это сейчас все следят за калориями, белками-жирами-углеводами и презрительно морщат на картошку нос. В те годы об этом знали только спортсмены да некоторые «избранные». Я же много занималась, недосыпала, постоянно гуляла пешком по городу, наслаждаясь его улицами, домами, людьми, так что ни на мой вес, ни на фигуру она никак не влияла.

Хозяйке же такой мой рацион не очень нравился. Она то и дело недовольно морщилась, потягивая носом: «Фу, навоняла тут своей жарехой», – но милостиво разрешала пользоваться кухней, плитой и посудой.

Посуда... Я еще могла позволить себе купить тарелку-чашку-ложку-вилку, но сковороды и кастрюли нанесли бы моему бюджету сокрушительный удар. Хозяйка разрешала пользоваться ими, да, но я замечала, как она потом проводит пальцем, проверяя, чисто ли я вымыла, как рассматривает на свет – не появились ли микротрещины на эмали, как изучает – сильно ли затупились ножи... Мне было обидно. Я и дома-то была аккуратисткой, а тут, в чужой квартире, с чужими вещами... Я мыла после себя тарелки и чашки до скрипа, смахивала со стола все, до последней крошечки, начищала ножи, вилки и ложки до блеска... Но не углядела.

Один раз не углядела.

То был поздний вечер. В училище – тяжелый, трудный день, плюс я осталась после занятий, чтобы еще позаниматься...

Я шла домой, едва передвигая ноги, думая лишь о том, чтобы поужинать – я не успела пообедать за весь этот безумный день, – и упасть спать. Поужинать – и лечь спать.

Жареная картошка казалась лучшим вариантом – я могла готовить её даже с закрытыми глазами, наливая масло на ощупь и поедая в полусне.

Но в тот раз что-то пошло не так. Может быть, попался клубень не того сорта. Может быть, что-то произошло с маслом. Или огонь оказался чуть сильнее. Но картошка пристала к сковородке. Не пригорела, нет – просто пристала сильнее, чем обычно.

Я взяла ложку, аккуратно подцепила сухую корочку, и...

Видимо, я все-таки сильно устала в тот день. Может быть, уже дремала, лишь краем сознания следя за происходящим. Иначе я никак не могла объяснить то, что моя рука дрогнула – и ложка сорвалась, шкрябнув по дну.

Я не придавала этому особого значения. В кухне была слабая лампочка, которая давала тусклый желтоватый свет, и я не увидела роковую царапину.

Зато её увидела моя хозяйка.

Утром, едва только я вернулась с занятий, мне сунули сковородку под нос. Тыкая пальцем в неглубокую и не очень длинную, но все-таки царапину на дне. Крича, что поселили меня на свою голову, сжалившись над убогой, а я, неблагодарная, нечуткая, неряшливая, не имеющая уважения к чужим вещам, безрукая... – «Что значит простите? Что значит больше не буду? Конечно, больше не будешь, потому что сегодня же тебя тут и не будет! Что? купишь мне новую сковородку? А знаешь ли ты, сколько у меня с ней связано? Столько лет служила верой и правдой, пока ты... Ах, просто царапина? Ах, её даже и не видно? Все, выметайся прямо сейчас!»! Да, блин...

Вот так я с треском и вылетела из однокомнатной пятнадцатиметровой квартирki со временно моим диванчиком, данным мне божьим одуванчиком. Одновременно и жалея об этом, и где-то в глубине души радуясь освобождению из плена, в который пришла добровольно.

Все в нашей жизни происходит так, как надо. И именно тогда, когда надо. Необходимо лишь открыть себя этому и принять его.

Знала ли я, что это лишь первый раз, когда меня выгоняют из временного дома?

Что таких случаев будет еще достаточно, но все они больше не покажутся мне несправедливыми или обидными потому, что я буду уже рядом со своим любимым человеком – и любые житейские проблемки мы будем с ним делить пополам! Мы будем сидеть рядышком на краю очередной разверзшейся бездны и говорить друг другу: «Спасибо, что ты у меня есть, несмотря ни на что, мы с тобой самые сильные, и мы победители!» Будет у нас с ним такая поговорка – девиз по жизни. И в груди будет разливаться тепло и благодарность. И любая бездна, как кино-эффект, будет затягиваться у меня на глазах и превращаться в цветущее ромашками поле.

Глава шестая. Ведь ты же мужчина

На четвертом курсе я вышла замуж за студента этого же училища, и вскоре у нас родился сын. Антон.

Некоторые после создания семьи оседают, остепеняются, находят себя в заботах по дому... Но я была не из таких. Я продолжала гореть и вдохновляться мыслями о сцене, о фортепиано, о пении и музыке.

Моя музыкальная судьба встретила меня в пустом классе – в той самой общей аудитории с пианино, где я дремала по утрам, опустив голову на клавиши. В ту минуту, когда судьба в лице руководителя местного джазового оркестра заглянула в приоткрытую дверь, я негромко распевалась – так, выводила какую-то мелодию, даже без слов. Я даже не заметила, что за мной кто-то наблюдает.

За моей спиной негромко кашлянули, а потом постучали по стене.

Я обернулась.

– Доброе утро, девушка, – вежливо поздоровался мужчина. – Меня зовут Александр. Александр Султанов. А почему я вас раньше не слышал?

Я слегка оцепенела. Он, конечно же, был уже достаточно знаменит в Новосибирске. Он был руководителем джазового оркестра Новосибирской филармонии. Султанов расспросил меня, кто я такая, откуда, на каком отделении учусь, – я отвечала чуть рассеянно, не понимая, с какой целью он интересуется.

А потом... он пригласил меня на репетицию.

Джазовый оркестр? И меня – студентку – приглашают туда солисткой? Выбрать именно меня? Среди столько вокалистов, обучавшихся в нашем музучилище именно на вокальном, а не как я, на фортепиано... Мне, конечно же, было очень приятно. Это даже опьяняло как-то. Это было просто невероятно! Я шла на репетицию осторожно, все еще не веря, что моя мечта продолжает сбываться – и сбываться так быстро! Но стоило мне исполнить несколько песен, как меня тут же обступили – а ни одной девушки не было, только красивые молодые люди! – и засыпали комплиментами: «Ирина, какой у Вас необычный тембр! Ирина, мы и не знали, что эту песню можно так неожиданно исполнить!»

Вскоре наш джаз-бэнд стал еще более популярен в городе, потом – в регионе, а затем началась и всесоюзная известность. Мы стали серьезным коллективом, имеющим гастроли повсюду и известным в джазовых кругах как оркестр под управлением Александра Султанова.

Мы ездили по фестивалям, участвовали в конкурсах, завоевывали множество наград... Я исполняла вещи из репертуара Эллы Фицджеральд, Билли Холидей, Дайаны Росс и даже Луи Армстронга. Пела блюзы и спиричуэлсы... Но я не стояла на месте, не концентрировалась только и исключительно на джазе, не превращала свой горизонт в точку.

В то же время я слушала оперы, увлекалась роком и арт-роком – в моей фонотеке Мария Каллас соседствовала с King Crimson, а Гершвин – с Led Zeppelin. Именно рок-классики и вдохновили меня на эксперимент – я собрала собственный ансамбль, в котором пела уже собственные песни!

Мне было тесно в рамках одного жанра, я хотела экспериментировать, мечтала найти свой путь, не идти по чьей-то чужой дороге! Шаг за шагом. От мечты к мечте. Из пункта А в пункт Б. Я двигалась. Я все время двигалась и не сидела на месте.

И примерно в то же время случилось, наверное, самое главное событие в моей жизни. В Новосибирске, на отборочном туре на крупный всероссийский музыкальный конкурс, я исполнила песню собственного сочинения – и для меня это был не просто отбор на конкурс, кото-

рый я могла пройти или провалить. Это была очередная проба своих сил, поиск своего пути, проверка – то ли я делаю, там ли я нахожусь?

В тот день я прошла на финальный этап в Москве. Заняла в Новосибирске, в отборе, первое место.

Но главное было даже не в этом. Совсем не в этом...

На том отборе меня увидел Слава...

Уже потом, спустя несколько лет, он рассказывал мне, что он оказался в тот день на конкурсе не случайно, а приехал специально за мной. Он искал вокалистку.

Он уже слышал обо мне – мой джазовый ансамбль был хорошо известен в Новосибирске, а у Славы к тому моменту уже был достаточно серьезный опыт в шоу-бизнесе. В конце 80-х он со своей группой «Электроверсия» прошел этап голодных и трудных лет становления, гастролей по провинциальным городкам Сибири и Казахстана буквально за еду, время, когда удавалось урывать кусочки сна в импровизированных холодных студиях звукозаписи во время ночных сессий, так как ночное время было в разы дешевле. Словом, все возможные адские круги начинающего музыканта в разваливающемся Советском Союзе. Уже потом он рассказал мне, что именно тогда, когда я собиралась на свой главный конкурс, именно в тот момент он начал перестройку состава своей группы, и ему приходилось по десять раз перезаписывать в студии песни, потому что паренек, которого он пробовал новым солистом в группу, как сказали бы сейчас, «не потянул»... А прежний, основной солист группы – Тимур Щекатурин, мегаталантливый парень с нереальным диапазоном голоса, с которым группа добилась первых успехов, – захотел дальнейшего творческого роста и ушел в сольное плавание.

«Электроверсия» уже тогда, в 1989–1990 годах, была группой, которая добилась успеха в Москве, несмотря ни на что, ни на какие трудности, у Славы уже было имя... Он был уже достаточно известным композитором. Одно время в рейтинге популярности среди эстрадных групп Советского Союза его «Электроверсия» занимала то ли седьмое, то ли восьмое место в хит-параде газеты «Московский комсомолец»!

Так что для Новосибирска они точно были звездами. Но тогда, как я уже сказала, это был тот момент, когда Слава решил прекратить тянуть в одиночку всю «Электроверсию» на себе и перестал предпринимать какие-либо попытки потушить пожары мальчишеских разборок и постоянных «междусобойчиков» внутри группы. Он просто банально устал от постоянного качания прав членами группы и попыток выяснить, кто тут главный, и от того, что каждый тянул одеяло на себя, разрывая в итоге коллектив в разные стороны. Слава хотел иного – качественно иного. Хотел, чтобы это была не просто группа, а классный, правильно собранный и сделанный по-настоящему круто проект. Проект, в котором каждый будет на своем месте и делать то, что должен. Он хотел быть уверен в том, что он делает, и найти человека, в котором будет уверен. Человека, на которого можно будет положиться. Человека, которого не нужно будет уговаривать, который сразу будет петь так, как это видел. А еще он именно тогда твердо решил, что теперь это будет солистка, а не солист.

И в один прекрасный день его друзья просто сказали ему: «А ты видел Иру Евсеенко? Вот возьми её к себе в группу! Хватит уже тащить этих мужиков на себе! Такая девчонка классная есть, сходи посмотри, она как раз на конкурсе скоро выступает! Вот вживую и увидишь, и услышишь!» И Слава сходил. И посмотрел.

Однажды он признался мне: «Ты тогда была другая. Отличалась от всех, кто с тобой тогда выступал в тот день. Очень органичная и чистая. Не такая, как все». Те годы – годы, когда на сцене царил весьма специфический, немного развратный имидж: короткие, микроскопиче-

ские юбки, рваные колготки, вызывающий макияж, откровенные движения. А я – девочка из Сибири, со своей любовью к классике, к джазу... Он влюбился в меня сначала как в артиста – сразу, с первого взгляда.

Отпусти, отпусти, но будь со мной.
Отпусти, дай пройти мне путь земной.
Отпусти, как же трудно быть одной.
Отпусти, отпусти, отпусти и...

Именно эту песню я пела на отборе.
Но Слава так и не смог меня отпустить...

Помните, я написала: «Так что для Новосибирска они были звездами». Но мой джаз... А они – они были поп-звездами. Поп! Елки-палки...

Именно так я и ответила Славе, когда он пришел ко мне с предложением стать у них солисткой.

Он пришел ко мне домой – как нашел адрес? – ранним утром, после конкурса. Нарядно одетый, красивый, в нежно-кремовом костюме и при галстукке, вкусно пахнущий туалетной водой. Словно на первое свидание. Я же была сонной – после трудного дня никак не могла уснуть, проворочалась всю ночь, непричесанной, в домашнем халатике. Он лишь улыбнулся – по-доброму и приветливо. И от этой улыбки мне стало на душе невероятно тепло – словно я встретила своего, по-настоящему своего человека...

– Ира! Хочешь стать солисткой моей группы? – предложил он мне после пары дежурных приветственных фраз.

Я рассмеялась.

– Но вы же «попса»! Нет, поймите меня правильно, я уважаю, что вы делаете, но это же поп-музыка! А я, между прочим, солистка джазового оркестра. Джаз и «попса» – они никак не монтируются.

Слава сразу смутился. Моментально сник. Словно потух какой-то огонек. Мне стало стыдно – и я ободряюще ему улыбнулась.

– Но я все-таки оставляю тебе нашу кассету, – сказал он, улыбнувшись в ответ.

Кассета лежала у меня на столике, и всякий раз, когда я, занимаясь своими делами, проходила по комнате, мой взгляд притягивался к ней, словно магнитом.

«Попса»...

...Ну а что если все-таки послушать?

Ах нет, у меня другие дела пока. Потом, все потом...

А потом я включила кассету. И поняла, как же я была неправа. На ту «попсу», от которой я бежала и от которой я так яростно открещивалась, Славина музыка была совершенно не похожа. В ней было что-то новое, необычное, свежее, искреннее и необычайно красивое... И главное – что-то мое.

И я позвонила ему и сказала: «Да. Я хочу петь в „Электроверсии“».

И Слава сказал: «Приходи».

Мы стали работать вместе.

Нас объединяла любовь к музыке, мы питались этой любовью, с головой погрузились в студийную работу, занимались этим страстно, с упоением.

Особо комфортных условий у нас не было – записываться приходилось в свободное студийное время, по ночам. Нередко я засыпала там же, на студии, прямо под большой колонкой с бухающим в голову сабом. Не мешало. Спала как убитая. Опыт засыпания на клавишах пиано в музучилище очень сильно помог.

Мне все было в новинку: и новый музыкальный стиль, и работа в уже сложившемся, другом коллективе, и даже тембр моего голоса – со стороны, на записи он казался мне странным.

Но закон «Если где-то что-то убывает, то где-то что-то и прибывает», к сожалению, работает и в обратную сторону. И он не выбирает, где должно в итоге убыть.

И в моем случае это сказалось на семье.

После того как я начала получать пока хоть и крохи, но все-таки популярности после того, как стала побеждать в серьезных конкурсах и петь в профессиональной группе, я заметила, что мой муж охладил ко мне. Он стал придирается ко мне по пустякам, пытался всячески выражать свое недовольство моей работой, старался доказать, что это там, на сцене, я звезда, а дома никто... Было горько и печально сознавать, что человек, с которым ты собирався провести всю жизнь, вдруг так отдаляется от тебя...

Честно, я ничего не делала для этого.

Никак не изменилось мое поведение, никак не изменилось мое отношение к нему. Я оставалась все той же девчонкой, что и до этого, той, в которую он когда-то влюбился... Но, кажется, для него я уже была «другой»... Как говорится – сам придумал, сам обиделся.

Я стала для него немного соперником. Он так решил. Для себя. Еще чуть-чуть – и я победитель. И все. Семьи больше нет.

Важно понять и осознать это: кто ты, к чему ты идешь, чего ты хочешь. Каждому из нас. И кто он – тот человек, что рядом с тобой. Чего хочет он, и куда он идет. И если ваши дороги разные, если вы лишь терпите друг друга, если вам на душе тягостно – поговорите!

Просто говорите! Говорите больше друг с другом о себе! О вас! Слушайте друг друга! Не перебивайте и не пропускайте мимо ушей ни единого слова и междометия!

Помните песню REFLEX'a – «Говори со мной»?

Говори со мной...

Я так люблю, когда спросишь ты что-то, ну просто так...

Говори со мной, не молчи, прошу!

Я так люблю твой голос с мыслями в такт...

Говори со мной, если даже ночью,

Говори со мной, когда молчат слова!

Говори со мной, говори со мной!

© «Говори со мной» (REFLEX)

Почти все конфликты в супружеских парах происходят от неумения слушать. Да, да. Слушать и слышать своего партнера. А ведь это самое важное! Умение слушать приведет вас к тому, что вы точно поймете то, что вам так хотел сказать ваш муж или жена, ваши парень или девушка. А это самое главное! У вас в отношениях будет все просто и понятно. Ведь вы точно знаете, чего хочет ваша половина! Вы услышали это.

Да нам вообще всем нужно научиться слушать! Представьте, что вот вы наконец решили поговорить друг с другом. Откровенно и честно, чтобы избежать ссоры. Окей.

Слушая друг друга, мы всегда должны поддерживать зрительный контакт. Мне всегда это помогает не уходить в сторону мыслями, и это всегда демонстрирует ваше внимание друг

к другу. А мы тогда так не сделали. А ведь, возможно, можно было все спасти, но мы тогда просто гордо надулись друг на друга.

Кассета лежала у меня на столике, и всякий раз, когда я, занимаясь своими делами, проходила по комнате, мой взгляд притягивался к ней, словно магнитом.

«Попса»...

...Ну а что если все-таки послушать?

Ах нет, у меня другие дела пока. Потом, все потом...

А потом я включила кассету. И поняла, как же я была права.

Позже я начала наблюдать за людьми и за их конфликтными ситуациями и заметила, что в среднем человек обычно слушает первые двадцать секунд, затем почти всегда перебивает рассказчика и вставляет свои «пять копеек». Хотя поверьте, главная задача на начальном этапе разговора – не показать свою точку зрения, а понять мысли вашей половины, чувства и желания! Если перебить, то можно так никогда и не узнать, что же хотел вам сказать ваш партнер. А ведь именно это и есть самое главное! Иначе зачем вы вообще разговор затеяли?

Да и для того, чтобы беседа состоялась в принципе, нужно обоюдное желание. Но если его нет с обеих сторон, то кто-то должен проявить инициативу! На то, чтобы внимательно выслушать, уходит больше времени, чем на «базар-вокзал». Однако продуктивность отличается в разы, в пользу первого. Ваша половина почувствует с вашей стороны внимание, а значит, и уважение, а вы совершенно точно поймете то, что он/она хотел вам сказать! И тогда результаты вашей беседы будут исключительно позитивными. И вы никогда не разругаетесь по ходу дальнейшей совместной жизни! Ведь вы друг друга услышали и поняли. А это самое главное. Поверьте мне. Проверено на собственном опыте. На собственных граблях, от которых на моей голове осталось множество шрамов, и это не те шрамы, которые украшают мужчин, а уж тем более женщин.

Но тогда я всего этого еще не понимала и не знала, и поэтому некоторое время спустя после начала конфликтов с мужем я окончательно поняла: да, у нас с ним другие интересы, другие пути в жизни, да и вообще мы уже скорее чужие люди. Это было очень горько осознавать, ведь одно дело, когда твоим успехам не радуются одноклассники или девчонки во дворе – и совсем другое, когда тебя не поддерживает любимый и близкий человек. Тот самый, с которым ты бы и в горе, и в радости...

И я ушла с головой работу, положившись на судьбу и плывя по течению. Жизнь продолжалась, и все шло именно своим чередом. Мы набирали уже серьезную популярность в Новосибирске, песни записывались одна за другой, мы фактически жили в студии, на необыкновенном творческом подъеме. Нас окружали музыканты, телевизионщики и художники и прочая арт-богема Новосибирска.

Но в памяти отложился почему-то именно милый и трогательный эпизод, который неожиданно для меня запомнился...

Как-то раз мы со Славой зашли в магазин возле студии, и он рассматривал на витрине что-то совершенно несущественное, с моей точки зрения, как еда. Кажется, даже хлеб. А я сказала: «Возьми себе пельмени. Они же сытные и вкусные. Возьми. Ты же мужчина, тебе надо что-то серьезное». И Слава, помню, был тронут этой моей элементарной заботой: он, видимо, привык сам все по-мужски, по-лидерски тянуть, полагаться всегда и во всем на самого себя и сам помогать всем.

Кстати, о пельменях... Почему-то вспомнились именно пельмени, а главой раньше – картошка. Что за ерунда? Пишу и смеюсь...

В общем, несмотря на все эти перипетии в личной жизни, в творчестве, постепенно все пришло к тому, что Новосибирск нам со Славой стал тесен. К тому времени мы полностью перекроили «Электроверсию», выпустили новый альбом, где уже пела я, и приняли участие в популярнейшем телешоу на Первом канале – «50/50». Выступили мы очень ярко, понравились продюсерам шоу, и они пригласили меня в Канны на съемки очередной программы, которые были запланированы на международной музыкальной ярмарке – Midem. Это были знаки нам. Мы со Славой понимали, что должны двигаться дальше. Люди хотели слушать наши песни, а мы уже тоже хотели большего. Мы хотели развиваться, двигаться дальше и поэтому решили переехать в Москву. Не навсегда, не сжигая за собой все мосты: пока лишь осмотреться, зацепиться, понять, что и как. Временно, так сказать. Но все же помнят поговорку: «Ничто так не постоянно, как временное»... Какой раз уже удивляюсь бесконечной мудрости народных пословиц.

Мы уехали.

Взяли с собой триста долларов (не 300 тысяч, а просто 300) – по тем временам и сибирским меркам это были большие деньги, как нам казалось, – и уехали.

Глава седьмая. Мне страшно, и я хочу домой

Москва встретила нас поначалу, как встречает всех приезжих: ярко, шумно, весело. Толпы людей – на площадях, перекрестках, улицах, в метро. Ослепительные огни ночного города, пьяный угар клубов – и обещания, обещания, обещания новой, лучшей жизни...

Нас со Славой было трудно купить на эту сверкающую фальшивку – мы знали цену этой парадной стороне городской жизни, понимали алгоритм работы шоу-бизнеса и никогда не путали туризм с эмиграцией.

Да, нам повезло: в Москве нас быстро стали брать в клубы, в ту же знаменитую «Метелицу», мы стали получать какие-то деньги – пусть и небольшие, но деньги... Но у этого везения была и обратная сторона.

Сторона, которая называлась «жизнь в Москве».

Одна из первых квартир, которую мы сняли после приезда, находилась на Домодедовской – рядом с домодедовским рынком. Днем шум, гам, какая-то движуха, постоянные челночники, торговцы фруктами, мутные личности, толпы покупателей, словно суетливые муравьи, снующие туда-сюда. А ночью район менялся, как оборотень: становился хищным, опасным, жестоким.

В комнате ночами было жарко и душно, мы спали с открытыми окнами, и нередко со двора доносились истошные вопли: «Сере-е-ега! Не ре-е-ежь её!» Кто такой этот Серега, кого не надо было резать, и возымел ли действие вопль, мы не знали. Как мы поняли, соседи были привычными к такому, поэтому милицию никто не вызывал. Лишь иногда, когда невидимые нам буяны совсем бушевали, кто-то орал с балкона смачным басом, грозя им жуткими карами. Буяны успокаивались – но ненадолго. Через полчаса-час все начиналось сначала... Шел 1993 год.

Тот ли Серега оказался в лифте, когда мои мальчишки-танцоры «Электроверсии» приехали к нам, или кто другой, мы так и не узнали.

Да, мы вытащили своих танцоров из Новосибирска – своих ребят, на которых мы могли положиться, которых знали как облупленных, с которыми могли – и хотели – работать.

Они до этого никогда не были в Москве – не были по-серьезному, с перспективой и жить, и работать – а не как праздные туристы, снимающие со столицы лишь сливки.

Они позвонили нам с вокзала, мы объяснили им, как проехать, ничего сложного, станция метро рядом, рынок как ориентир, не заметить невозможно, а там уж дом найти – пара минут.

Тогда еще не было сотовых, поэтому мы лишь примерно прикинули время, которое им понадобится на дорогу, даже с учетом, если они немного заблудятся, – и стали ждать.

Время мы прикинули правильно – ошиблись лишь минут на пять.

В дверь позвонили. Мы еще удивились – звонок был нервный, резкий, настойчивый и в то же время тревожный. Словно тот, кто стоял на площадке, очень-очень хотел, чтобы его пустили.

В глазок были видны лишь мутные тени.

– Кто там?

– Ира, Слава, мы это! Скорее открывайте!

Мы открыли.

Первым в квартиру ввалился Дима, прижимая руку к боку. По футболке текла густая алая кровь...

Мне тут же стало плохо, к горлу подкатился густой, липкий комок тошноты, я зажала рот ладонью. Слава увидел, как я побледнела, бросился ко мне, но я махнула рукой: займись Димой!

Все обошлось. Рана оказалась неглубокой, жизненно важные органы не задеты – правда, желание мальчишек жить в Москве это происшествие отбило напрочь.

Нападавшего так и не нашли. Лишь выяснилось, что это была популярная забава у пацанов: караулить у лифта, дожидаться, когда туда кто-то сядет, заскакивать, тыкать человека ножом, куда попадешь, и убегать.

Долго еще после этого случая мы со Славой поднимались и спускались исключительно по лестнице – Москва внезапно повернулась к нам таким зверским оскалом, что мы никак не могли в это поверить...

Шумный беспокойный рынок практически за окном нас несколько смущал, но в то же время и порою дал любопытство. Там можно было по дешевке – а для нас это было очень важно! – прикупить что-то из еды и даже из вещей, так, на первое время.

Однажды нам самим даже довелось постоять там за импровизированным прилавком.

Триста долларов закончились почти моментально, и в Москве мы поначалу жили, буквально едва сводя концы с концами. И вдруг у нас появился московский приятель – неплохой парень, который работал на складе Levi's. Как понимаете, сам он был полностью упакован в «джинсу» и помогал с одежкой всем приятелям. Но коммерческая жилка была в нем развита чуть больше, чем просто «беру и продаю».

Мы несколько раз гуляли с ним по округе – и каждый раз при виде рынка он замолкал и задумывался, словно просчитывая что-то в голове. И однажды он предложил:

– Ребята, ну ведь у вас же такой хороший рынок под боком... Давайте, я буду подгонять вам куртки, а вы – продавать, вам же надо как-то жить, а деньги потом поделим?

Мы согласились сразу.

Это были лихие девяностые, обычная практика в те годы по всей стране – стоять и торговать на рынке зазорным не считал никто: ни учитель, ни пенсионер, ни студент.

С чего нам-то было морщиться и перебирать варианты?

От тех трехсот долларов, что мы привезли с собой, как я уже говорила, остались жалкие крохи: на сто мы сняли квартиру, на сто записали альбом, а на сто пришлось как-то выкручиваться... Денег, что мы получали в клубах, хватало только на то, чтобы банально не умереть с голоду, ибо выступлений этих было катастрофически мало... Мы ведь только-только начинали свой путь как популярные исполнители.

Торговать куртками был наш шанс. Мы не собирались переквалифицироваться в бизнесмены или уделять торговле много времени. Это просто был шанс, чтобы остаться на плаву. Чтобы не заботиться о том, что сегодня поесть, чтобы не тратить время на то, чтобы искать продукты подешевле, чтобы эти минуты и часы оставить на развитие, на запись песен, на то, ради чего мы жили... Да даже друг на друга: чтобы не приходиться, приползая домой и, изможденными и голодными, падать спать, а чтобы просто поднять головы и посмотреть друг на друга, обнять друг друга и просто подышать в унисон. Думая друг о друге, а не о квартире, одежде, еде, деньгах...

И вот мы вышли на рынок...

Смотрелось это со стороны, конечно, комично.

Вокруг – сплошные бабушки на самодельных прилавках из ящиков и коробок: какая-то зелень, тряпки, книги – обычная барахолка. И тут Слава – два метра ростом, в руках куртка

модная новая... Бабушки сразу в стороны отодвинулись, смотрят настороженно: ну-ну, что за новички тут пожаловали... ну-ну.

Мы встали на свободное место, разложили товар. Стоим, прикидываем – а что говорить, если начнут торговаться? А если спросят, откуда куртки? А если размер не подойдет? А если спросят, как сидит? Торговля оказалась целой наукой, в которой мы вообще ничего не понимали!

Но мы волновались зря. Нам скоро «помогли».

Простояли мы за своим импровизированным прилавком недолго.

Минуты через две, словно из-под земли, перед нами выросли два милиционера. Сурово осмотрели нас, наш товар – бабки с зеленью и тряпками предусмотрительно отодвинулись подальше – и сурово спросили:

– Та-а-ак, ваши документики? Чем торгуем? Та-а-ак... Пройдемте сядем в машинку...

– Но... – к такому повороту событий мы были не готовы. Да, фактически мы спекулировали – но граждане сейчас все так делают, почему именно за нас-то зацепились?

– Пройдемте-пройдемте!

Спорить с милиционерами, разумеется, никто из нас не хотел, да и находились мы не в том положении: чужой город, мы «понаехали», вещи со склада... Сгребли куртки в охапку, сели в машину, что уж тут поделаться.

В машине начался уже пристальный допрос:

– Та-а-ак, а кто вы такие? А почему вещами спекулируете?

– А-а-а, простите, пожалуйста, мы артисты, мы из Сибири приехали, жить не на что, есть нечего, простите, больше так не будем... – честно говоря, мы были в панике. Дело начало приобретать серьезный и нехороший оборот. Друга-«курточника» мы сдавать не хотели, но и брать всю вину на себя казалось безумием.

– Да-да, «артисты», – скептически покачали головой милиционеры, рассматривая наши документы. – Разумеется, как иначе-то. Да тут каждый второй – «артист».

– Правда-правда! – их реакция именно на слово «артист» нас немного воодушевила. Может быть, это шанс избежать неприятностей? – Мы из Сибири приехали, покорять Москву, так сказать...

– Ну хорошо, допустим. Пусть артисты. А чем докажете?

– Так... Ну мы тут живем неделю... У нас есть пластинки, плакаты. Наши, в смысле, пластинки и плакаты.

Милиционеры переглянулись, подумали. Кивнули.

– Ну ладно, хорошо. Допустим. Поехали проедемся, посмотрим ваши «пластинки» и «плакаты».

Да! Да! Да! Вот он, наш шанс!

Подъехали к нашему дому, остановились.

– Ну давайте, девушка, несите ваши доказательства.

– А... – я в растерянности оглянулась на Славу. Он пожал плечами и ободряюще улыбнулся мне.

– А молодой человек с нами посидит, – ответил за него милиционер.

– Иди-иди, – сказал Слава. – Все в порядке.

Я, разумеется, сразу в дом метнулась, схватила пластинку, плакат большой, выбегаю:

– Вот! Вот – это я! Смотрите, похожа же! А вот пластинка! У вас есть где проиграть её? Нет? Я могу напеть, так, а капелла.

Посмотрели они, конечно, скептически. Я же тогда еще никому не известна была – так, просто какое-то имя. Но лицо на картинках явно мое, плакат и пластинка сделаны профессионально – видимо, действительно артисты. Вряд ли бы обычные жулики-спекулянты такую сложную – и дорогую! – легенду себе прорабатывали...

– Ну-у-у... – согласились они. – Ладно, так и быть, отпустим. Артисты... Только курточки нам оставьте. Да-да, все, пожалуйста.

Так и закончилась наша эпопея с рынком, не успев даже начаться.

Да и вскоре мы с этой квартиры переехали.

Начались наши скитания по Москве и углам. Однокомнатные, двухкомнатные, «сталинки», хрущевки, новостройки, окраины, спальни, центр... С ремонтом и без, с мебелью и с «кровать и плита, что вам еще надо?», с тараканами и сияющие чистотой...

Стоило нам только где-то осесть и прижиться, как нас выгоняли. Сценарий обычно был одним и тем же: звонок в дверь, на пороге хозяйка руки в боки.

– Значит, так, ребята, новости слышали? Все подорожало, колбаса подорожала, хлеб тоже не копейки стоит. Я повышаю вам квартплату. Не нравится – выметайтесь.

А как тут «нравится – не нравится», если просто денег нет? Вот мы и выметались в очередной раз и снова отправлялись на поиски жилья.

Квартирант вообще был в те годы существом бесправным. Его могли выгнать по любой причине и в любой момент – и при этом делать вид, что все идет как надо. Хозяин мог быть самой любезностью, давать советы, помогать по мелочам и болтать за жизнь, но рано или поздно наступал момент, когда у него на горизонте появлялись новые любимчики.

Один раз мы со Славой уехали по делам в Новосибирск, пробыли там пару дней, возвращаемся – а все наши вещи сложены кучкой на лестничной площадке. Свалены как есть: посуда, одежда, инструменты – неаккуратно, словно впопыхах.

Мы сразу стучим в квартиру – что такое, почему, что случилось-то? Пожар? Наводнение? Наши вещи так спасали?

– Ой, – удивленно округлила глаза хозяйка. – А я думала, что вы уехали, вещи бросили. Я вообще собиралась их на помойку отнести, вы успели раньше.

– Но мы же тут, вот, мы просто на пару дней уехали, – у нас просто в голове не укладывалось, что можно вот так вот, в отсутствие человека, вынести его вещи на открытую всем площадку. Бери кто хочет – так, что ли?

– Ничего не знаю, я уже нового квартиранта нашла, он на пятьдесят долларов больше платит. До свидания!

И хлопок дверью – такой силы, что от стены отходит и осыпается штукатурка.

И опять новая квартира, и опять подорожала колбаса, и опять очередной, более щедрый кандидат на временно нашу жилплощадь...

Мы уже хотели домой. Нередко вечерами мы вспоминали дом, представляли, а что там сегодня? Какая погода? Что поделявают соседи? Чем бы мы занимались прямо сейчас, если бы были дома?

Нам было страшно: что нас ожидает завтра в этой стремительно меняющей свое настроение Москве? Вот она приняла нас и дала работу – а вот уже выгнала с квартиры. Вот она дала нам новое жилье – но отобрала работу. Удачи и неудачи словно переливались из сосуда в сосуд, а мы так и не успевали схватить полный – только наполовину. Наполовину полные – или наполовину пустые...

Мы звонили домой, родные спрашивали, как у нас дела. Мы бодро отвечали, что все в порядке. Вот, переехали на новую квартиру. Да нет, ничего страшного, просто решили поменять обстановку. Работа? Пока перерыв. Творческий отпуск на неделю. Все нормально, все прекрасно, кушаем хорошо. А как у вас?

Мы не хотели беспокоить родных – все равно они никак не могли нам помочь. Мы были категорически против того, чтобы брать у них деньги, – взрослые же люди, как-никак, неужели не справимся? А заставлять их переживать за нас мы не могли.

– Значит, так, ребята, новости слышали? Все подорожало, колбаса подорожала, хлеб тоже не копейки стоит. Я повышаю вам квартплату. Не нравится – выметайтесь.

«Да, мама, все в порядке. Да, папа, все хорошо. Все просто чудесно. Нет, у меня все в порядке с голосом, просто немного устали. Все хорошо. Целую. Позвоню потом еще».

Мы клали трубку и молча верили в то, что эти неприятности уйдут. Мы здесь, в Москве, в погоне за своей мечтой и уже касаемся её крыльев. Мы здесь, в Москве, вдвоем. Мы сможем все, мы пре одолеем все, мы добьемся того, чего хотим.

Надо верить. Надо просто верить – и идти вперед, сцепив зубы, сжимая руки в кулаки. Темные лифты, грязные подъезды, опасный город, безденежье и голод – это все пройдет. Или как сказал один мой друг: «Грязно? А ты не ходи там, где грязно». Мы все преодолеем. Мы всего добьемся.

Ведь мы же вдвоем...

И это – самое важное.

Глава восьмая. Народная любовь

В 1995 году мы заключили контракт с крупнейшей тогда в стране студией «Союз». Они-то и взяли надо мной имиджевое шефство. Решили сделать из меня простую девчонку из соседнего двора, чтобы пела я простые демократичные песни. Ну что ж... Девчонка – так девчонка. Сказано – сделано.

Так и появилась Диана.

А «Электроверсия» закономерно закончила свое существование. Ничто не вечно. Время шло, а не стояло на месте. Я снова стала сольной певицей. Многие стремятся к этому. Но в данном случае выбор сделали за меня! И такой выбор – стать девчонкой из соседнего двора. Блондинкой, у которой в голове веселый ветер... Но это же вообще не я. Как я смогу? Мимикрия? Теперь мне можно только ля-ля-ля? А образ был четко прописан в контракте и требовал придерживаться именно этого имиджа. Везде – и на сцене, и в интервью. У меня внутри шла постоянная борьба – но я все-таки решила! Я буду играть эту роль. А дальше посмотрим.

После песен «Расскажи», «Не говори, что ты любишь меня», «Я тебя провожаю» я стала настоящей народной любимицей. Со временем люди узнали и поняли, что я живу, не порхая от тусовки к тусовке, а сама строю свою жизнь, ищу свой собственный путь и да, иногда ошибаюсь – но это мой путь. И не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Забегая вперед, я хочу сказать, что лишь много позже я поняла идею Славы – прекрасную и простую идею: ведь поп-музыка – это музыка для народа, для людей, прежде всего для людей. И её тоже можно делать по-настоящему красиво и круто! Наполнять её оригинальными идеями и свежим звучанием. Не все хотят и готовы круглосуточно слушать классику, джаз, арт-рок – многим нужны легкие, простые песни, повествующие о знакомых всем чувствах, о том, что переживал или переживает каждый... Но красивые! Обязательно красивые! Этого всегда хотелось и ему, и мне!

Поп – популярная музыка. Популярная, потому что любима многими. Это музыка для людей. И они прочувствуют эту энергию!

Энергию, которой мы эту музыку наполним. Не меняя бит или привычные им ритмы. Мы должны быть самими собой в поп-музыке. Нести людям то, что мы знаем, чувствуем. То, чем мы живем. И если мы наполнены действительно стоящими мыслями, по-настоящему стоящей музыкой и идеями, то тогда обязательно найдутся единомышленники. И тогда не придется больше мимикрировать и играть в «девчонку из соседнего двора».

И если твою песню полюбили, если полюбили тебя, то, значит, ты задела какие-то струны души, задела чувства – они отозвались любовью. И неважно уже, что именно задело эти чувства – джаз или поп. Главное, что ты коснулась человеческого сердца...

Но все эти мысли я осознала уже после того, как начала реализовываться как Диана. Как проект. Как осознанно подобранный и выстроенный коммерчески образ. С настоящим менеджментом, с круглосуточной промоподдержкой на радио и ТВ. Это было мощно по-настоящему. Начало музыкальной индустрии в «лихие девяностые». В лихой и молодой России. Погнали. Только таким сленгом и можно было охарактеризовать тот период.

Первую же песню «Не говори, что ты любишь меня» играли везде. Это было какое-то сумасшествие. Заходишь в магазин – она там играет, проходишь мимо ларька – она рвется из хрипящих колонок, останавливается на переходе машина – и оттуда звучит эта песня...

Но все равно я еще не могла поверить в большую народную любовь. Да, песня в ротации, да, она звучит буквально из каждого утюга, но я думала, что люди послушали её и забыли и

будут с таким же удовольствием слушать следующую певицу. Да, они знают, что её исполняет некая Диана, но кто пока еще эта Диана для них? Всего лишь очередное имя в списке певиц... Тогда я еще не понимала настоящую силу благодарности людей за то, что я делаю для них любимую ими музыку. Настоящую, народную любовь я познала чуть позже. Спустя несколько месяцев всего. И она обрушилась на меня, как лавина. Внезапно и резко. Как будто кто-то включил какую-то кнопку. Щелк...

И вот я в Казани на своем первом по-настоящему большом концерте.

На концерте в честь Дня города. Как гость из Москвы.

Это должен был быть обычный концерт, как десятки подобных в дни городов по всей стране: народное гуляние, а где-то там на сцене кто-то что-то поет.

Так думала я... Но...

Мы прилетели в Казань ранним утром, когда только-только рассветало.

Я была уставшая, вымотанная бессонной ночью, не стояла на ногах – и сразу упала спать, едва-едва успев раздеться.

Просыпаюсь около полудня – идет дождь. Просто жуткий, как из ведра, по оконным стеклам целые потоки воды, не видно ничего!

Проходит час – дождь все еще идет.

Два часа – все тот же ливень, даже нет намека на то, что скоро стихнет. Наоборот, он то и дело усиливается, кажется, что еще немного, и под ударами водяных струй отвалится подоконник!

И все бы ничего, если бы у нас было намечено выступление в каком-нибудь клубе или концертном зале... Но у нас городская площадь, открытая сцена!

Ладно, нам еще какой-нибудь навес, может быть, и соорудят – но как быть зрителям? Кто будет стоять под ливнем час-полтора? У меня же уже тогда целая программа была: «Не говори, что ты любишь меня», «Я тебя провожаю», «Грешная любовь», «Белая песня», «Расскажи» и другие песни уже тоже были на слуху у людей. А кто придет в такую погоду?

«Ну зашибись, – подумала я. – Кто в такую дождину придет на площадь? Понятно, что никакого выступления не будет». Погрустила, переворачиваюсь на бок и сплю дальше – а что еще делать остается? Я не фаталист. Решила верить в лучшее и снова заснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.